

Николай Демин

купец пришел!

ПОВЕСТВОВАНИЕ О РАЗОРВШЕМСЯ ДВОРЯНИНЕ
И РАЗБОГАТЕВШИХ КУПЦАХ

Николай Лейкин

**Купец пришел! Повествование
о разорившемся дворянине
и разбогатевших купцах**

«Центрполиграф»

1903

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1

Лейкин Н. А.

Купец пришел! Повествование о разорившемся дворянине и разбогатевших купцах / Н. А. Лейкин — «Центрполиграф», 1903

ISBN 978-5-227-09659-3

Известный сатирик Николай Александрович Лейкин вновь демонстрирует свое мастерство, как и всегда обращаясь к остросоциальным темам. Метко и язвительно так, что невозможно не смеяться, он описывает самые разные типы общества конца XIX – начала XX века. Россия на стыке эпох претерпевала постепенные, но неизбежные изменения. Все меньше и меньше реальной силой были дворяне, все больше влияния приобретали купцы. Автор не дает этому явлению однозначных оценок, стараясь показывать ситуацию с разных точек зрения. Яркие, живые образы увлекают пережить вместе с ними историю о переменах и о том, как сегодняшние «хозяева жизни» скупали имущество вчерашних. Пусть описанная история кажется далекой от нашего времени, меняются только декорации, а люди остаются. Как и прочие работы Лейкина, этот роман – самая настоящая энциклопедия жизни русского народа, не только каким он был в конце XIX века, но и каким он является сейчас, в веке XXI. Веселые и грустные, остросатирические и лирические строки этого произведения едва ли оставят кого-либо равнодушным.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1

ISBN 978-5-227-09659-3

© Лейкин Н. А., 1903
© Центрполиграф, 1903

Содержание

Николай Александрович Лейкин	6
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Николай Александрович Лейкин

Купец пришел! Повествование о разорившемся дворянине и разбогатевших купцах

© «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2021

* * *

I

Была ранняя весна. Деревья были еще голы, хотя уже с сильно надувшимися почками на тополях, на сирени и в особенности на бузине. Приветливое яркое солнце вызвало уже кое-где зелень на лугах, но низины были еще под водой, ручьи громко журчали, и кое-где в тенистых местах и канавах лежал еще белый снег. То там, то сям пахали и бороили под ярицу, под овес и под картофель.

По грязной дороге к воротам большой барской усадьбы, стоящим в толстых каменных столбах, увенчанных чугунными львами с оскаленными зубами, катящими правой лапой большой шар, подъехал небольшой франтоватый тарантас без верха и остановился. Сытый, рыжий, выхоленный, слегка взмыленный конь в нарядной сбруе с густым медным набором и в расписной дуге позвякивал бубенчиком, мотая головой. В тарантасе сидели двое: широколицый с реденькой бородкой в проседь купец-лесопромышленник Мануил Прокофьевич Лифанов и его кучер, молодой парень Гордей, безбровый, с льняными волосами, с еле пробивающейся бородкой и с серебряной серьгой в ухе. Он был в нанковой поддевке со стеганым и проваченым задом, опоясанной красным кушаком, и в картузе.

– Здесь сойдете, Мануил Прокофьевич? – спросил кучер, обернувшись к хозяину.

– Зачем? С какой стати? Чего тут церемониться? Теперь уж тут все наше, – отвечал Лифанов. – И усадьба наша, и земли наши. Слезай, отворяй ворота настежь и подъезжай к главному подъезду.

Скрипнули давно не крашенные тяжелые железные ворота на ржавых петлях, и тарантас покатился к большому господскому дому по широкому въезду, обсаженному по сторонам шпалерой не стриженным в прошлом году кратегусом. Въезд был грязен, на нем лежали еще прошлогодний лист, хворост, сбитый с деревьев ветром осенью. То там, то сям валялись старый башмак, прилипшая к земле бумага, обглоданные собаками кости, битые горшки, битые бутылки, и было насорено гниющей соломой, щепками, древесной корой. Не подстрижены были с осени и два тополя, стоявшие против главного подъезда. Среди большой круглой клумбы валялись разбитый зеркальный садовый шар, ржавые железные обручи от кадки, а вокруг всего этого вылезли уже из земли пригретые весенним солнцем и зацветшие уже голубенькие сциллы, желтые крокусы и красовался цветок белого нарцисса с желто-красным кружочком внутри.

Тарантас, однако, проехал мимо широкого крыльца барского дома, составляющего портик с толстыми сильно облупившимися белыми колоннами, и, по приказанию Лифанова, остановился около пристройки, составляющей кухню. Здесь из-за разбитых оконных стекол, местами заклеенных бумагой, показалась бабья голова в красном платке, из-за угла выскочил красивый сеттер и слегка залаял. Около кухни было еще грязнее, стояла лужа помоев.

Лифанов вылез из тарантаса. Это был приземистый полный человек в высоких сапогах и резиновых калошах, в забрызганном грязью коричневом пальто и в картузе с белым чехлом. На дворе никого не было. Он посмотрел по направлению к целому ряду помещавшихся вдали хозяйственных построек – и там было безлюдье. В хлеву мычала корова. Экипажный сарай был отперт, из него торчало дышло какого-то экипажа, и на нем сушилась красная кумачовая рубаха.

– Словно вымерло все... – проговорил Лифанов. – И Гурьяна-кровельщика, должно быть, здесь еще нет, а я послал его осмотреть крышу у дома до моего приезда.

– Пусто. Хоть шаром покати, – отвечал кучер. – Да ведь и то сказать: у них и людей-то нет. Все разбежались. Прошлый раз мы были на Пасхе, так один кучер да две бабы. А какой он кучер? Он и кучер, он и дворник, он господам и на стол подает. Говорят, жалованья не платили.

Лошадь Лифанова заржала, и на это ржанье из экипажного сарая выплянул рыжебородый человек в сером армяке, опоясанном кушаком, увидел Лифанова и побежал к нему.

– Вон он, Гурьян-то, – сказал Лифанов. – Должно быть, дрыхнул в сарае, что ли? Поезжай, Гордей, туда к сараю и стой там, – обратился он к кучеру. – Да лошадь-то можно привязать и дать ей сенца. Раздобудь нам охачку. Ведь и сено теперь наше. Все наше.

Кучер направился шагом к сараю. Перед Лифановым стоял рыжебородый кровельщик Гурьян с картузом в руке и кланялся.

Лифанов в ответ приподнял свой картуз и спросил:

– Дома ли господи-то? Людишек-то никого не видать. Не у кого спросить.

– Да ведь у них только кухарка да кучер теперь. Есть экономка, но она, говорят, больше для утешения барина.

Кровельщик ухмыльнулся.

– Смотрел крышу на доме? – задал ему вопрос Лифанов.

– Смотрел и на доме, и на бане, Мануил Прокофьич. Крыша на доме, будем так говорить, один срам. Лет шесть не крашена, право слово. Железо было хорошее, тринадцатифунтовое, но везде проржавело. А в разжелобках, так что твое решето. Придется много нового вставить.

– Так вот ты и сообрази, сколько листов купить надо. Где новое вставить, где подмажешь суриком. На Пасхе я осматривал комнаты, так в верхнем этаже на всех потолках протечи.

– Штукатурка сыплется, карнизы обвалились, так чего еще. Тут, Мануил Прокофьич, с суриком ничего не поделаешь. Тут сплошь листы вставлять придется. Железа много понадобится.

– Так сколько же, говори. Надо уж приступать к работе. Послезавтра я переезжать хочу в усадьбу. Не знаю, чего этот Пятищев прохлаждается и не выезжает. Я его честь честью просил уехать, назначил ему последний срок, а он все живет да живет. Когда уж срок-то был!

– Прогорели... хоть и важные господа, а вконец прогорели. Некуда им деться, – отвечал кровельщик.

– Прогар прогаром, а, должно быть, чести-то не понимают. Хотят, чтобы их силой выселяли, – проговорил Лифанов и прибавил: – Так вот ты и запиши, сколько листов железа надо, сколько сурику на подмазку, сколько масла и сколько краски. В зеленый цвет красить буду. Дороже это, много дороже – ну, да уж чтоб все было на отличку.

– Железа листов полтора-то потребуется, Мануил Прокофьич, а то и больше.

– Да что ты! Куда ж такая уйма? – ужаснулся Лифанов.

– Крыша тут – одно разорение, вот как запущена. Старые листы снимем, выкроем, что получше, – баню позаплатим. Там все запущено так, что и сказать невозможно! Посмотрите-ка вы у служб-то... Затворы с петель свалились – затвориться невозможно. Кучер говорит: ведра допроситься не могу, чтоб купили лошадь поить. А старое ведро что сито.

– Ну, трафь... – сказал Лифанов. – Вот железа куплю и пришлю, так и ведер нам поделаешь. В большом хозяйстве нельзя без ведер.

– Это сколько угодно. Ведер-то мы из старого железа понаделаем, что с крыши снимем. Вот тут суриком позамазать да выкрасить, так в лучшем виде отслужат. Ведра – в хозяйстве дело нужное.

– Еще бы! И скотину поить, и в огороде для поливки. Садовник-то здешний сбежал или тут еще?

– Никакого садовника тут нет. Все сбежали. Говорю вам, одна баба-стряпуха да кучер. Лифанов вздохнул.

– Удивительно, как это люди верхним концом да вниз! – произнес он. – А ведь когда-то, я помню, здесь у него были и садовник-немец с сигаркой в зубу, и камардин, и буфетчик толстопузый во фраке... и повар, и арабчонок в красном колпаке на подъезде. А конюхов-то что было! А всякой челяди что! Егерь, псарня... Лошади какие!..

– А теперь всего пара, да и те убогие... На них и воду, и дрова возят, они же и господам на выезд...

– Опустились, совсем опустились, – покачал головой Лифанов.

– Произошли, вконец произошли, – прибавил кровельщик. – Лошади-то на одном сене стоят, без овса. Своего овса нет, зимой продали, а с воли не покупает. Уж мне кучер-то много про их житье-бытье рассказывал, пока я вас дожидался. Только одно слово, что господа, а выходит совсем напротив.

– Надо, однако, самого повидать да поговорить с ним насчет выезда поосновательнее. Ведь затем я и приехал.

Лифанов подошел к окну кухни и стал стучать в стекло.

II

В окне опять показалась женская голова в красном платке, и на этот раз отворилась форточка.

– Генерала вашего можно повидать? – спросил Лифанов.

– Да поживает он, батюшка. Похлебал и поживает, – был ответ.

– Когда же они проснутся?

– Да теперь уж скоро. Вот барышня княжна прикажет самовар ставить – сейчас они и встанут, – говорила женщина, стоя около форточки. – Вам, может статься, Ивана Лукича надо, так этот проснулся уже и с трубкой давно ходит.

– Это шершавый-то такой? – задал вопрос Лифанов.

– Да, старичок, капитан, который при них существует.

– Нет, этого-то мне не надо. Ты вот что... Ты, гладкая, спроси у старой барышни, можно ли мне комнаты в доме посмотреть. Покои любопытно бы мне видеть. Пока генерал проснется, я покои бы осмотрел.

В это время в кухне раздался дребезжащий электрический звонок, и женщина в красном платке сказала:

– Да вот барышня уж звонят для самовара. Стало быть, барин проснулись. Идите смело в подъезд. Если заперто – звоните. Иван Лукич отворит.

– А ты все-таки доложь. Так неловко... Я политичность понимаю, – просил Лифанов.

Женщина отправилась в покои. Лифанов подошел к подъезду.

– Маляр приехал, – сказал ему кровельщик. – Маляр Евстигней Алексеев.

– Ну, вот и ладно. Стало быть, тебе есть попутчик обратно. Это я его насчет внутренней отделки... – проговорил Лифанов.

– То-то уж... крышу-то позвольте мне красить. Не лишайте меня... Кровельщик всегда лучше...

– Ты и будешь красить крышу, а Евстигней – что внутри потребуется: шпалеры, потолки, двери...

Подбежал маляр, очень юркий человек в пальто, в сапогах бураками и в фуражке с глянцевым козырем.

– Полдороги пешком шел, нет лошадей, хоть ты плачь. В посаде-то я не запасаюсь возницей, думал, к попутному подсяду. Ан не вышло. Уж на половине дороги попутный мужичок согласился подвезти, – рассказывал он, сморкнулся в руку и отер нос красным бумажным платком, который вынул из кармана пальто. – Фасадик-то тоже придется окрасить. Очень уж запущен, – прибавил маляр.

– Помолчи немного и уходи. Потом позову, – махнул ему рукой Лифанов.

В это время отворилась стеклянная дверь в подъезде. На пороге стоял небольшого роста старичок, худой и жилистый, в нафабранных подстриженных усах, с короткой седой щетиной на голове. Он был в кожаной куртке, в брюках с красным кантом и в туфлях.

Это-то и был тот самый капитан, который, по словам прислуги, при генерале «существует». Его звали Иваном Лукичом Тасканьевым. Жил он на пенсию и состоял не то в качестве компаньона, не то в качестве приживалки при бывшем владельце усадьбы Льве Никитиче Пятищеве, когда-то предводителе дворянства, которого Лифанов, как новый владелец имения, приехал понудить выселиться из усадьбы.

Лифанов приподнял картуз и сказал:

– Здравствуйте. Комнатки бы посмотреть любопытно насчет ремонта, так как я с маляром... Да и самого генерала очень нужно повидать.

Капитан сморщился и с презрением посмотрел на Лифанова.

– Подождите. Сейчас я спрошу у Льва Никитича, – проговорил он.

– Подождем. Время терпит.

Капитан на минуту удалился, вернулся и произнес:

– Идите. Только ноги обтереть!

– Да я в калошах. Господи! Чистоту-то мы любим больше вашего, – отвечал Лифанов, входя в прихожую, раскрашенную когда-то в красный цвет в помпейском стиле, но сильно облупившуюся, и стал снимать калоши. – Вон как хорошую-то горницу запустили, – кивнул он на стены и потолок.

– Прошу без замечаний! – строго огрызнулся на него капитан.

– О?! Уж будто и говорить нельзя? Я затем приехал. Я говорю у себя в доме... Да и говорю маляру. Ну, вот что, Евстигней Алексеев: все эти букетцы и колонки подправить надо. Сможешь ли? – спросил маляра Лифанов, сняв калоши.

Снял калоши и маляр и дал ответ:

– Освежить? В лучшем виде освежим и подправим. Алебастрцом пройдемся, где требуется. Смотри-ка, рисунок-то какой занятный!

– Ну, теперь пойдем по порядку в другие горницы.

Но тут капитан загородил Лифанову дорогу и злобно процедил сквозь зубы:

– В порядочный дом в пальто не входят. Надо раздеться.

– Экий сердитый! – вскинул на него глаза Лифанов и прибавил: – Ну что же, снимем.

Он снял пальто, а маляр только распахнулся и сказал:

– А мне, барин, если снять пальто, то хуже будет, потому я без спиньжака, в одной жилетке.

Капитан пропустил их молча. Они вошли в гостиную со старинной мебелью Жакобс, красного дерева, с бронзовыми полосками, обитою желтым штофом, местами протертым так, что торчал волос. Стены гостиной были тоже стильные, с позолотой, засиженной мухами, но так же, как и в прихожей, облупившиеся. С потолка висела тоже старинная бронзовая люстра в несколько свечей на стрелах, с гранеными хрусталиками, которые звенели при шагах по

местами выбитому узорчатому паркету, лежащему, по всем вероятностям, на изрядно подгнивших балках. Со стен торчали бронзовые бра, тоже с подсвечниками на стрелах и с хрустальными украшениями.

– Плохи стены-то... Смотри-ка, как под подоконником-то... Сырость... облупилось... обвалилось... – указывал маляру Лифанов. – Да и в углах... Подновишь, что ли?

– Да чтоб уж вам оклеить их обоями заново? – предложил маляр. – Светленький узорец, по четвертаку кусок, с веселеньким бордюриком покраснее – загляденье будет.

– Ты думаешь?

– Да конечно же. А ежели перетирать, да потом красить и подгонять под старинное – возни много, да и куда дороже. Теперь ведь уж и фасона такого нет для стен.

– Ну, трафь обоями. Эх! Обойщика надо! – крикнул Лифанов, трогая продранную обивку на кресле. – Материя-то шелковая, аховая, но вот на некоторых изьянцы.

– Теперь такой материи не найдете для поправки. А вот пожертвовать одним креслицем, снять с него обивку да и велеть обойщику на дырки заплатки наложить, – посоветовал маляр. – Простоит лет пять в лучшем виде.

– И то ладно, – согласился Лифанов.

Они осмотрели гостиную, диванную, залу, и в каждой комнате Лифанов давал маляру свои приказания об обновлении. Капитан не отставал от них. Он запасся трубкой на коротком черешневом чубуке и дымил немилосердно, все время косясь на Лифанова. В зале Лифанов долго рассматривал две гигантские изразцовые печи в углах с громадными изразцами посредине с выпуклыми изображениями Минервы во весь рост и сказал:

– И что эти печи дров зимой жрать будут! Тут в топку по доброй четвертке сажени упрятать можно. Конечно, это залу для нашего обихода не подходит, и в него заглядывать будем редко...

– А не подходит, так зачем усадьбу покупал, зачем озорничал? Кулак! Паук сосущий, ростовщик! – сквозь зубы злобно процедил капитан.

Лифанов вспыхнул, посмотрел на него через плечо и сказал:

– Потихе, барин... И ругательную эту словесность брось... Не люблю... Если мы с вами учтиво, то обязаны и вы учтиво... Да-с... Очень просто... – прибавил он.

В ответ на это капитан только отвернулся и пустил изо рта огромную струю дыма.

III

Комнат в доме было много. Осмотр их продолжался. К залу примыкали женские комнаты.

Двери были заперты. Лифанов с маляром хотели проникнуть в них, но капитан загородил им дорогу.

– Нельзя сюда! Куда лезете, неучи! Здесь женская половина. Эти комнаты свояченицы Льва Никитича и его дочери.

Капитан размахивал трубкой. Лифанов попятился.

– Однако же, господин, должен я их посмотреть для ремонта, – сказал он. – Ведь нарочно десять верст ехал для этого.

– Приедешь и в другой раз, когда Лев Никитич и вся его семья уедут из усадьбы.

– Нет, уж это ах оставьте! Довольно я ездил. Дня через три я совсем переезжать сюда хочу.

Начался спор. За дверьми хрипло залаяла собачонка. Дверь отворилась, и выскочил мопс, бросившийся под ноги Лифанова. В дверях показалась свояченица Пятищева, княжна Правашова-Сокольская. Это была старая дева лет шестидесяти, худая, высокая, седая, с широким пробором в волосах, но с напудренным лицом, с подкрашенными щеками. Поверх платья на

ней была кунья накидка шерстью вверх. В косе высилась большая черепаховая гребенка с жемчужными бусами.

– Боби! Боби! Чего ты? – крикнула она на собачонку и удивленно спросила капитана: – Что здесь такое? Что вы шумите?

– Ничего, ваше сиятельство. Вот только комнаты пришел осмотреть для ремонта... – отвечал Лифанов. – Маляра привел – вот и все... А господин капитан скандалят.

– Не смей мне говорить, что я скандалю! Не смей! Замажь свой рот! – закричал на него капитан во все горло. – Я в доме друга моего Льва Никитича Пятищева и что хочу могу делать! Я защищаю женщин от нахала.

– Да никто их не тронет. Никто... – говорил Лифанов. – Дозволите, матушка ваше сиятельство, осмотреть покойчики. А то приехал для этого нарочно и вдруг...

Но тут показался сам Пятищев. Это был высокий, полный, осанистый старик в охотничьем верблюжьего цвета пиджаке с поясом и в шитых гарусом туфлях. Большие седые бакенбарды при усах, расчесанные по сторонам, покоились у него на плечах. Лысую голову прикрывала красная турецкая феска с черной кистью. Он остановился в недоумении.

– Вашему превосходительству! – раскланялся перед ним Лифанов. – Утишите, бога ради, господина капитана, ваше превосходительство. Мы тихо, смиренно, политично, а они прямо лезут, неизвестно какие слова... и всякие прения, так что даже стыдно.

– Что такое здесь? Что такое? – спрашивал капитана Пятищев мягким приятным баритоном и протянул Лифанову два пальца правой руки.

– Нахально лезет в женские комнаты, – сказал капитан.

– Позвольте... Какое же нахальство, ежели я самым политичным манером! Я, ваше превосходительство, с маляром... Я насчет ремонта, чтоб, значит, освежить комнатки к нашему приезду.

– Пустите, пустите господина Лифанова, – заговорил Пятищев. – Пусть смотрит, пусть все смотрит. Я уж и так много виноват перед ним, что его так долго задерживаю. Осматривайте, Лифанов, вы хозяин, вы вправе...

– Благодарю вас, ваше превосходительство.

Лифанов вошел в будуар княжны вместе с маляром. Остальные остались у открытых дверей. Старуха-княжна чуть не плакала и говорила Пятищеву:

– Но неужели уж всему конец? Неужели уж мы должны выезжать из нашего гнезда? Ведь вы мне говорили, что у нас есть еще кое-какие комбинации.

Пятищев смешался.

– Да... но... Впрочем, это я говорил, кажется, только насчет поездки за границу, потому там жить дешевле... – бормотал он.

Комната княжны была обставлена тоже старинной мебелью. На окнах тюлевые гардины с шелковыми языками, украшенными тяжелым басоном и свесившимися от широких карнизов.

Стоял большой туалет красного дерева со множеством шкафчиков и ящичков с инкрустацией из черного дерева в виде мальтийских крестов, туалет, помнящий времена Екатерины Великой. Мебель тяжелая, массивные ширмы со вставленными в них гобеленами, и за ширмами кровать княжны. Потолок комнаты был расписан цветами, летающими птицами, гигантскими бабочками и купидонами, но был сильно закоптевши. Маляр Евстигней Алексеев умилился на потолок.

– Какая работа-то, возьмите... Один ах и больше ничего... Ведь все это руководство настоящего живописца, что патреты пишет. Право слово...

– А ты подправить не можешь? – спросил Лифанов. – Вот там в углах-то того...

– Где же, помилуйте... Тут совсем другой фасон работы. Разве хлебцем попробовать копоть снять...

– Ну трафь. А обои новые. Я тоже подыщу с купидонцами и букетцами. Бывает... Ну, вот и все, ваше превосходительство, – обратился Лифанов к Пятищеву, выходя из комнаты. – Никакого мы озорничества не сделали, а только посмотрели. А капитан серчают и неподобающую словесность распускают.

Пятищев развел руками и несколько заискивающе сказал:

– Капитан – добрый человек, но он не понял, он не усвоил настоящего вашего положения. А вы вправе, добрейший, в полном праве все осматривать, потому дом ваш, все ваше. Мы здесь больше не хозяева, дом этот должен быть для нас уж чужой, а по русской пословице, с чужого коня и среди грязи долой.

– Хе-хе-хе, ваше превосходительство, – тихо рассмеялся Лифанов. – Совершенно справедливо изволите говорить. Но мы учтиво, деликатно, политично... А только давно уже вам пора выехать, потому все сроки прошли. Купили ведь мы еще эту усадьбу в посту, на Средокрестной неделе...

– Знаю, знаю, мой милейший...

– Просили вы пожить до Пасхи – мы позволили...

– Виноват, кругом виноват, но такие обстоятельства...

– Потом просили еще на неделю – и опять с нашей стороны без препятствий, потом... а теперь уж май на носу. Помилуйте... Я для себя купил. Надо переезжать...

– Все, все мы перед вами виноваты... Кругом виноваты, и нет оправданий, – перебивал Лифанова Пятищев.

– Ну, то-то, ваше превосходительство. Сознаетесь – мы вами и довольны, и благодарим. А теперь уже покорнейше просим, уезжайте не позже послезавтра, потому послезавтра мы сами решили переехать и я при себе буду ремонт производить.

– Как послезавтра?! – воскликнула княжна удивленно. – Но ведь это ужас, что он говорит!

Она стала прикладывать к глазам носовой платок.

– Много отсрочек было уж, ваше сиятельство, много... Теперь пора... Всею мера есть... – сказал ей Лифанов.

– Кровопивец! Совсем кровопивец! – проговорил капитан. – Глумится, издевается над женщинами. Лев Никитич! Да чего ж ты-то молчишь перед этим торгашом? Ты, дворянин, бывший предводитель! – обратился он к Пятищеву.

– Успокойся, Иван Лукич... Не раздражайся... Оставь... – перебил его Пятищев и взял у него из рук трубку, которой тот махал. – Он прав, тысячу раз прав...

– И вот все время так... Все время они ругаются и набрасываются ни за что ни про что, словно их что укусило, – огрызнулся Лифанов. – Ну-с, теперь только верхний этаж мне осмотреть. Верхний-то этажик уж у вас совсем подгулял, ваше превосходительство. Запущен, сильно запущен.

– Вот эту комнату еще не смотрели, – указал Лифанову маляр на двери в другой стене.

– А эта комната дочери, – подхватил Пятищев. – Дочь у меня кончила в прошлом году институт. Зимой она жила в Петербурге у тетки, а на Пасху приехала к нам, – заискивающе объяснил он для чего-то Лифанову.

– Можно насчет комнатки-то полюбопытствовать? – спросил Лифанов.

– Пожалуйста, пожалуйста! Вы хозяин. Лидочка! Можно войти?

Пятищев стукнул в дверь. Дверь отворилась. Лифанов и маляр вошли в комнату.

IV

Осмотр дома был кончен. Осмотрел Лифанов и верхний этаж или, лучше сказать, мезонин, где находились спальня самого Пятищева и комната капитана. Капитан не отставал от

Лифанова и вверху опять сцепился с ним и стал ему говорить дерзости, так что Лифанов сказал ему, повысив голос:

– Ваше благородие, я ведь терплю, терплю, да наконец и сам ругаться начну!

– Ты, ты посмеешь меня ругать, слугу отечества, который под Плевной кровь пролил? – закричал на него капитан. – Эфиоп этакий! Торгаш, пиявка, погубившая родовитого дворянина и его семью!

– Ну, не буду ругаться, так на суд пойду. При мне свидетель есть, – понизил несколько тон Лифанов и стал сходить в нижний этаж.

Внизу приходилось проходить по столовой, отделанной старым дубом, убранной тарелками, висящими в рисунок на стенах. В столовой на столе кипел самовар и сидели старушка-княжна, сам Пятищев и его дочка, совсем еще молоденькая девушка, очень хорошенькая, черноглазая, с роскошными волосами, заплетенными в две толстых косы и спускающиеся на спине по пунцовой канаусовой кофточке, надетой на черную шерстяную юбку. Пятищев пил чай из большой голубой, так называемой аппетитной чашки севрского фарфора.

– Чай и сахар... – сказал Лифанов в виде приветствия.

– Не хотите ли с нами за компанию стаканчик?.. – предложил Пятищев, стараясь как можно более быть ласковым с Лифановым, чтобы задобрить его к снисходительности, хотя в душе его клокотало и чувства были совсем противоположные.

– От чаю, ваше превосходительство, не отказываются. Чай – не водка... – отвечал Лифанов. – Очень вами благодарны, но уж господин капитан у вас очень сурьезный и строгий мужчина. Пить чай и слушать ихнюю ругательскую словесность – извините, не могу. Ведь как завели эту шарманку, так до бесконечности на один вал. Ведь вот и сейчас наверху – такие куплеты, что прямо не подобает, извините, и повторять. А за что-с? Помилуйте... За мою доброту, что ли? Я в почете... Я тоже медали имею за поставки и пожертвования. Да-с... Так что извините...

Лифанов поклонился, хлопнув себя картузом по бедру.

– Иван Лукич, зачем ты это?.. – с упреком сказал Пятищев, вскидывая на капитана глаза. – Я ведь просил тебя быть учтивым. Господин Лифанов так добр до нас, снисходителен, а ты... Нехорошо. Прошу тебя прекратить.

– Именно добр, ваше превосходительство, – подхватил Лифанов. – Другой бы знаете как? Через полицию выселял бы. Со станovým, с судебным приставом, с урядником.

– Ну, посмотрел бы я, как вы сюда с полицией явились! – угрожающе произнес капитан. – Кулак! Мироед! Душитель дворянского семейства.

– Извольте видеть, какие куплеты! – вырвалось у Лифанова.

– Уходи, Иван Лукич, уходи! Угомонись там, у себя. Ты раздражен, – замахал руками капитану Пятищев.

– Что с ним поделаешь? И даже при свидетелях, – продолжал Лифанов. – Конечно, я с ними судиться могу. На это земский начальник есть. Но я, ваше превосходительство, человек занятой.хлопот не стоит, чтоб посадить их на казенные хлеба.

Капитан сжал кулаки и, кусая губы, удалился. Удалился из столовой и маляр Евстигней, ступая на цыпочках по полу.

– Садитесь, пожалуйста, Мануил Сергеич, – приглашал Лифанова Пятищев. – Он ушел. Присаживайтесь! Ведь вас Мануилом Сергеичем, кажется?.. Я не ошибся?

– Прокофьич, ваше превосходительство, – угрюмо дал ответ Лифанов.

– Да, Прокофьич! Будьте любезны присесть, Мануил Прокофьич, – повторил приглашение Пятищев и, поднявшись с места, сам придвинул дубовый стул с высокой спинкой к столу для Лифанова.

– Только уж разве из-за того, что по нашему делу с вами поговорить надо, а то, право, обидно. И внимания не взял бы после таких слов в вашем доме. После таких прений гостем быть не приходится.

Лифанов все-таки сел к столу.

– Ольга Петровна, налейте, пожалуйста, стакан Мануилу Прокофьевичу, – обратился Пятищев к княжне, прихлебывавшей с ложечки чай из чашки.

Старушка-княжна слезливо заморгала глазами, закусила губы и начала мешать ложечкой чай в своей чашке. Но вместо нее поднялась со стула дочь Пятищева Лидия, подошла к резному дубовому буфету, вынула оттуда стакан, блюдце, чайную ложку и стала наливать в стакан чай.

– Вам сколько кусков положить сахара в стакан? – спросила она Лифанова, смотря на него.

– Я, барышня, по привычке вприкуску попрошу. Вприкуску больше выпьешь, хе-хе-хе...

Стакан подан. Лифанов перекрестился большим крестом, налил из стакана на блюдечко, выпил с блюдечка в несколько глотков, опять поставил на него стакан и молча в раздумье забарабанил толстым и коротким пальцем по столу.

– Так как же, ваше превосходительство? Когда же? Можно наверняка ждать, что вы очистите дом послезавтра? – произнес он наконец.

Губы княжны затряслись.

– Очистите... Какие ужасные слова... Какое унижение!.. – пробормотала она. – Будто мы какие-то грязные, нечистые звери... И ты, Лев, молчишь! Удивляюсь... Прямо удивляюсь, куда твое достоинство девалось!

Пятищев тяжело вздохнул, подергал себя за длинные бакенбарды и отвечал:

– Ты, княжна, ошибаешься... Тут нет ничего такого... Очистить – это обычное выражение... Да и Мануил Сергеевич, – он опять ошибся, – я уверен, и в мыслях не держал обидеть нас.

– Эх, ваше превосходительство! До обид ли мне, чтобы их распространять! – сказал Лифанов, принимаясь выливать на блюдечко вторую половину чая из стакана. – Меня только не обидьте. Ведь шутка ли сказать: с поста обижают. Все: «выеду, выведу, найму в городе квартиру», а сами ни с места. Усердно прошу, ваше превосходительство, уезжайте послезавтра, только уж так чтоб непременно.

– Послезавтра, милейший, невозможно! Никак невозможно! – пожимал плечами Пятищев, продолжая теревить бакенбарды. – Послезавтра... Как я могу это сделать, если я еще не решил, куда я денусь! Ведь у меня семья...

– Ваше превосходительство, ведь вы мне в прошлый раз еще сказали, что вы наняли квартиру в городе.

– Да, я ездил туда, смотрел... Квартира есть, но явилась другая комбинация... Я не знаю... я еще не решил, не обмозговал, но мне кажется, что я уеду за границу. Куда-нибудь в Дрезден... или в маленький захолустный итальянский городок. Там жизнь дешевле... гораздо дешевле. Да и культурнее.

– Ну, за границу так за границу. Мне все равно. А только, пожалуйста, послезавтра, потому послезавтра я сам решил переезжать сюда.

– Невозможно, мой милейший, никак невозможно. Не могу же я так скоро, мой многоуважаемый, – заговорил Пятищев, поднялся со стула, взял Лифанова за плечи и прибавил: – Прошу вас, убедительно прошу от своего имени, от имени дочери и от имени княжны, отсрочьте нам наш выезд еще на две недели. Ну, на неделю...

– Ваше превосходительство, да ведь уж сколько раз я вам отсрочивал, сколько раз предупреждал, а теперь надо и честь знать. Не могу я больше ждать, не могу! И не просите! – возвысил голос Лифанов и в волнении начал гладить бородку.

– Напрасно ты, Лев, от моего имени у него просишь и унижаешь меня, – заговорила дрожащим голосом старушка-княжна. – Ничего я у него не прошу и никуда я отсюда не выведу,

пока меня отсюда силой не вышвырнут. Но силой... тогда посмотрю я, что будет. Ведь есть же защита для беспомощной женщины, дворянки, родовитой княжны. Есть губернатор, есть выше... Я не знаю, как ты стесняешься... Ведь губернатор тебе отлично знакомый человек. Ты принят у него в доме, он сам бывал у тебя. Съезди к нему, объясни... А не можешь ты, так я поеду.

– Княжна, ты не понимаешь, ты не знаешь... Ты женщина... Ничего тут нельзя сделать... Все по закону... – бормотал Пятищев. – Все на законном основании... Господин Лифанов теперь полный владелец имущества, а не я... И если мы живем еще в усадьбе, то благодаря его доброте и любезности.

– Да-с... вот они с понятиями к жизни и правду говорят, – подхватил Лифанов. – И купчая, и исполнительный лист у меня в кармане, – хлопнул он себя по боку.

– Вздор! Пустяки! Молчите! – закричала княжна.

Она поднялась с места и в сопровождении мопса гордо вышла из столовой.

V

– Девушка они, ваше превосходительство, – снисходительно кивнул на удалявшуюся княжну Лифанов. – Хотя и пожилой человек, а все же девушка, потому и без настоящего разума в словах. Всегда за чужой спиной, и другие за них рассуждение имели, а они не касались. Ну, им и дико теперь: как это так чужой человек в их имуществе хозяином стал?

Пятищев слушал и молчал. Ему было совестно за поведение княжны, за ее наивность, что она позволила себе горячиться и говорить несообразности. Лидия Пятищева сидела и не понимала, кто справедлив – тетка ли ее, княжна, или Лифанов, говорящий так кудряво и своеобразно.

– Еще стаканчик чаю не прикажете ли? – обратился наконец Пятищев к Лифанову, видя, что стакан чаю пуст.

– Очень вами благодарен, ваше превосходительство, выпить не расчет, – отвечал Лифанов. – Чай – не порох, не разорвет. Но по нашему-то делу надо как-нибудь конец сделать, и я уж вас покорнейше прошу к послезавтра уехать отсюда.

Пятищев вскинул на Лифанова глаза, слегка затуманенные слезами, и произнес:

– Отсрочьте еще на одну неделю, мой милейший. Вы сделаете доброе дело.

– Не могу, ваше превосходительство. Терпел, терпел и уж перетерпел! Довольно.

Лифанов сделал рукой решительный жест. К нему подошла Лидия Пятищева, взяла его пустой стакан и спросила:

– Так прикажете вам налить?

– Позвольте, барышня, позвольте... Но вот с папенькой-то вашим я никак стовориться не могу. А на скандал лезть не хочется. Лучше же ладком... Честь честью... Вы вот что, ваше превосходительство... Вы во флигелек для управляющего покуда переезжайте. Ведь там у вас теперь никто не живет, управляющего не держите.

– Невозможно этому быть, невозможно! – замахал руками Пятищев, в волнении поднялся со стула и заходил по столовой большими шагами.

– Отчего невозможно? В лучшем виде там на недельку поместитесь, – продолжал Лифанов.

– Как? Туда, где живет экономка Василиса Савельевна?! – воскликнула Лидия.

– А на что вам теперь экономка? Что вам теперь экономить, коли у вас хозяйства нет? Да и экономке место найдется, коли уж на то пошло. Она в кухне, с кухаркой.

– Нет, должно быть, вы не знаете эту женщину, совсем не знаете. Она уж и так-то...

Лидия покачала головой, не договорив. Отец строго взглянул на нее и сказал:

– Оставь, Лидочка... Брось... Это не твое дело. Ступай в свою комнату. Один я лучше сговорюсь с Мануилом Сергеичем. Так я вас называю? Верно? – спросил он Лифанова.

– Прокофьич, ваше превосходительство.

– Ах да... Прокофьич... Ну, извините, пожалуйста... Оставь нас, Лидия, вдвоем. Уходи к себе...

Лидия стала уходить, бормоча:

– Вы не знаете нашу Василису Кукину. Она из-за кухни целый скандал поднимет. А папаша считает ее заслуженной у нас в доме... Папаша не станет с нею спорить.

А Пятищев покраснел, морщился, делал гримасы и произносил вслед дочери:

– Глупости ты все говоришь, глупости... Необдуманная слова... Но, конечно же, я не могу выгнать эту женщину из-под кровля, если она много лет служила нам верой и правдой, ведя все домашнее хозяйство.

– Так-с... Это точно... Это ваше дело... – проговорил Лифанов, чтобы что-нибудь сказать, и стал наливать из стакана чай на блюдечко. – Но, с другой стороны, можно и их вразумить, то есть экономку эту самую, что по одежке протягивай ножки... Ну, были в силе и благодати всякие ей распространяли, а теперь другой конец пошел. Покоряйся хозяйскому горю. Конечно, это горе для вас. Но что ж поделаешь!

– Да ничего подобного нет, что вам дочь рассказывала, – смущенно оправдывался Пятищев. – Дочь это так... по легкомыслию. А Василиса Савельевна – самая преданная мне женщина. Мне и всему дому нашему, – прибавил он.

– Ну, уж там как хотите, а вот мое последнее решение, – сказал Лифанов, торопясь выпить чай, схлебнул его с блюдечка и налил еще.

– Ужасное дело вы мне предлагаете! – тяжело вздохнул Пятищев, снял феску, которая была у него на голове, и стал вытирать платком лысину.

– Все лучше, чем силой выселять, ваше превосходительство. А мне уж непременно надо послезавтра в дом въехать, въехать и ремонт при себе производить. Начнем не торопясь: сначала в одной комнате, потом в другой и так далее. Живем и при себе ремонт. При себе, знаете, первое дело... Свой глаз – алмаз. А в том флигельке помещения вам будет достаточно. Там сколько комнат?

– Не помню, решительно не помню. Об этом меня не спрашивайте. Я своего хозяйства никогда не знал, а теперь и подавно.

Пятищев мерил шагами комнату, совсем растерявшись.

– Четыре или пять да кухня... – припоминал Лифанов. – Я осматривал, но хорошенько не помню. Но уж все не меньше четырех. А вас и всей семьи-то четверо, стало быть, аккуратно по комнате на каждого. Куда вам больше-то на неделю? И так, извините, ваше превосходительство, болтаться будете. Ведь всю мебель с аукциона купил я, стало быть, она при мне останется. А при вас только что из комнат княжны и из комнат капитана... Ну, кабинетик ваш куплен был подставным лицом.

– Да, да, да... Вы правы... Вы ко мне добры и снисходительны, вы более чем снисходительны, – бормотал Пятищев. – Но мое-то положение ужасное! Княжна, капитан... Как я их переселю туда? Ведь это все надо силой.

– Да уж понатужьтесь, ваше превосходительство! Как-нибудь вразумить надо. А если что насчет экономки этой самой вашей... хе-хе-хе... Если она такая строгая будет насчет кухни, то ведь здесь еще есть домишко садовника, в котором теперь никто не живет. Можно их туда перевести. Там две комнатки с кухонькой, и они успокоятся. Госпожа экономка то есть.

– Да, да... Вы мне даете мысль... Это прекрасно... – несколько оживился Пятищев, тронув себя рукой по лбу. – Это подходит... Это отлично... Но княжна и капитан... Капитан – друг нашего дома, он так нас любит, любовь его доходит даже до слепоты, до обожания... Это преданнейший мне человек, оттого он иногда и выступает с необдуманными словами, с необ-

думанными действиями. Чуть кто против меня – он уж думает, что это мои враги... и бросается, накидывается на них. Княжна – вы сами видели: она добрая, хорошая старушка, но почти невменяемая... Вот что я с капитаном и княжной-то буду делать! Эх! – крикнул Пятищев.

– Переселяйтесь завтра сами во флигелек управляющего, и они все за вами в тот же улей, как пчелы за маткой, перелетят, – сказал Лифанов, залпом отпил с блюдечка последний чай и опрокинул на блюдечко стакан кверху дном.

Пятищев соображал:

– Мой милейший, мой многоуважаемый Мануил Сергеич, – обратился он к Лифанову, опять перевернув его отчество. – Испытую еще раз вашу доброту. Позвольте нам всем остаться в этом доме еще на одну неделю, только на неделю, а сами переезжайте куда во флигель управляющего. Только на неделю. А сами оттуда вы можете на ваших глазах и ремонт в доме производить. Мы не попрепятствуем. Голубчик! Согласитесь.

Пятищев схватил Лифанова за обе руки и крепко пожал их. Лифанов поднялся, отрицательно покачал головой и произнес решительно:

– Нет, ваше превосходительство, не подходит, совсем не подходит.

– Василиса Савельевна будет завтра же переселена из дома управляющего в домик садовника. Даю вам слово, – сказал Пятищев.

– Не подходит, – стоял на своем Лифанов. – Судите сами: я хозяин. Вы вот опасаетесь княжны и капитана... А я-то как же? Ведь я уж приеду с семьей. Меня самого тогда вся семья засмеет. Хозяин, полный хозяин, владелец – и вдруг приехал жить на задворки. Нет, уж оставьте... Совсем это не подходит и даже обидно... Так вот-с, я сказал... и слово мое твердо... Послезавтра... – закончил он. – А затем, до приятного... За чай и сахар благодарю покорно, ваше превосходительство. Пора ко дворам ехать. Будьте здоровы.

Лифанов взял картуз и стал раскланиваться, удаляясь в прихожую.

VI

На дворе Лифанова ждали кровельщик Гурьян Васильев и маляр Евстигней Алексеев.

– Так когда же работать начинать прикажете, Мануил Прокофьич? – спрашивал кровельщик.

– Да уж вы назначьте, пожалуйста, верно, так, чтоб можно было рабочих послать, – прибавил маляр. – А то пошлешь, а капитан не допустит их и по шеям... Что хорошего!

– Послезавтра я переезжаю сюда, – отвечал Лифанов. – Подводы уж для всякого добра подпряжены. Послезавтра я перееду и привезу сюда железо, обои, сурик и стекла... Стекла кое-где придется вставить... Ведь безобразие... Стекла разбиты и сахарной бумагой заклеены.

– Хозяева на срам... Что говорить! Все запущено... – вставил свое замечание маляр.

– Ну, так вот мы переедем послезавтра, а вы являйтесь на другой день с мастеравыми. При мне и начнете... – прибавил Лифанов.

– Вот так... Это будет лучше. А то где ж нам справиться с капитаном! Уж ежели вы, хозяин, не в состоянии, то где же нам-то, маленьким людям... – говорил маляр.

– Ну, уж тогда, когда перееду, я его так пугну, что своих не узнает, – похвастался Лифанов.

– Трудненько их выживать, Мануил Прокофьич... Ох как трудно! – покачал головой кровельщик Гурьян Васильев. – Вы думаете, что генерал выедут к послезавтра? Ни за что им не выехать.

– Нет, он дал мне слово, что ко вторнику он переберется в дом управляющего.

– Да ведь там мамулька евонная существует. Она так расположилась, что ее и данкратами не поднять. Прямо корнями выросла.

– Это Василиса-то? Генерал обещался ее перевести в домишко садовника. Ведь только неделю им здесь жить я позволил. Только на неделю генерал выпросил еще посууществовать здесь. Оказия! – покрутил головой Лифанов. – Оказывается, им и выехать некуда. До сих пор еще генерал ничего не сообразил, куда ему деться. Говорил, что в губернии будет жить, что уж и квартиру там нанял, а оказывается, что это все вздор, что и не думал.

– Какое малоумие! Ах! – прищелкнул языком маляр. – В таком чине и так себя допускают! Удивительно.

– Ну, да уж допускай или не допускай, а только одну неделю я им дозволил жить в доме управляющего. А там – с богом по морозцу. Ни за что не позволю. А не захотят добром уехать – со становым, через судебного пристава выселять буду.

– Сейчас Левкей их говорил... Это кучер и дворник... – пояснил кровельщик. – Говорил он так, что сам-то генерал за границу собирается... От долгов, вишь ты, долги одолели.

– Пустое... Толковал он и мне об этом, но пустое, – отвечал Лифанов. – На какие шиши ему выехать за границу, если у него и на выезд в губернию денег нет? Тут совсем крышка. Я не знаю, как они и жить будут.

– Продадут что-либо, может статься, – проговорил маляр.

– Что продать, коль я все скупил. Мебель, медная посуда – все мое. А серебра давно уж не бывало. Давно продано или в залоге пропало. Разве шубенки какие... Вон на княжне куний воротник сегодня надет. Его можно побоку... Только что дадут за него?

Разговаривая таким манером, Лифанов ходил вместе с кровельщиком и маляром по двору, осматривал службы, заглянул в колодезь, обошел пустую оранжерею с разбитыми стеклами, развалившимися боромом и топкой и прошел в конюшню. Конюшня была хорошей постройки, сравнительно новая, светлая, даже с камином, с медной отделкой в денниках и стойлах, но уж во многих местах снятой и, очевидно, проданной на вес. В конюшне стояли только две совсем старые рабочие лошади и захудалая корова.

Около конюшни кучер Лифанова Гордей кормил сеном из рук лошадей, не выпряженную из тарантаса. Он сказал хозяину:

– Как только лошадям нашим тут стоять придется? Все полы провалились, прогнили.

– Ну-у? – протянул Лифанов.

– Одна беда, Мануил Прокофьич. Не зачинивши, большая опасность, право слово. Завяжит лошадь ногу в дыре – сломать может. Наши лошади не ихним чета. Наши с корма на стену лезут.

– Плотник придет – зачинит.

– Перестилать надо. Новые полы надо. Они никуда не годятся. Вам сейчас же лес запаста придется.

– Ужас, какое расстройство! Смотрите, двери-то... – указал кровельщик. – Петлей никаких. Так приставляют. Да и то сказать: из каких капиталов, если им даже в лавочке ни на копейку более не верят? Я про генерала... Сейчас Левкей рассказывал: принесешь деньги – отпустят хлеба и крупы; нет – играй назад. Лошади-то ведь без овса стоят, на одном сене.

– И сено-то – дутки да осока со щавелем, – подхватил кучер Гордей. – Вон наш-то головастый еле ест. Да и то Левкей еле дал охапochку. Дам, говорит, тебе, так что нам-то останется? Ваш жеребец, говорит, сытый, откормленный, а наши несчастные одры голодные.

– Куда же они сено дели? Ведь здесь покосы обширные, – удивился Лифанов.

– Продали, Мануил Прокофьич, продали себе на пропитание и овес сменяли в лавочке себе на провизию, который ежели остался. А про сено Левкей рассказывал, что сено с осени было очень хорошее, такое сено, что хоть попу есть, а продали, все продали, и оставили только дутки с болота. Нам сейчас же надо запастись сеном, как только приедем, – закончил кучер.

Лифанов развел руками и пожал плечами.

– Это для меня удивительно, – сказал он. – Я ведь с сеном покупал. Сена было куда больше тысячи пудов.

– Было да сплыло, хе-хе-хе, Мануил Прокофьич, – засмеялся кровельщик. – Где уж тут запасы уберечь для животных, коли у самих хозяев животы подвело! Левкей сказывал, что ведь на одном картофеле теперь сидят. Молочный суп да картофель – вот и вся еда. Кашу варят иногда, но на редкость, потому ни старая, ни молодая барышня до нее не касается. Один капитан ест. Прислуга просит – отказ.

В это время откуда-то из-за угла показался и сам Левкей – единственная мужская прислуга Пятищевых, оставшийся от целого штата дворни. Это был худой, высокий, но крепкий старик с полуседой бородой на темном, почти коричневом лице, изборожденным морщинами. На нем была шерстяная красная фуфайка с вставленными на локтях синими суконными заплатками, а на голове военная фуражка с замасленным красным околышком – подарок капитана. Подходя, он шлепал необычайно громадными серыми валенками, подшитыми по подошве кожей, и поклонился низко Лифанову.

– Истинно, господин хозяин, животы подвело – вот какое наше житье, – начал он, услышав последние слова кровельщика. – Даже хлеба не вволю... Только картофель и едим, потому его у нас запас. Да и картофель-то генерал продал бы, да его зимой возить на продажу было нельзя. Послал он раз со мной один воз – я сморозил. А везти прикрывши – у нас ни войлоков, ни даже рогож нет.

– Вот так хозяйство! – прищелкнул языком маляр.

– Да уж какое хозяйство, коли ничего нет.

– Для чего же вы экономку-то держите? – улыбнулся Лифанов.

– А уж это не нам рассуждать, – уклонился от ответа Левкей. – Это дело генеральское... А только какая она экономка! Она экономкой-то и раньше не была. Зимой у нас она всех кур сожрала, так что генералу в Пасху красным яичком разговеться своим было нельзя. Капитан перед Пасхой поехал в посад, продал пистолет и ковер и привез ветчины, яиц и муки на кулич. Прислуге только по три яйца дали. Где это видано? На праздник по пяти аршин ситцу мне и кухарке. Ведь только из-за того и живем, что жалованье задержано, а то и я, и кухарка Марфа давно бы наплевали и сбежали. Возьмите, господин хозяин, меня на службу к себе, как переедете. Я здесь ведь все знаю. Могу рассказать, указать, где что было. – Левкей опять снял шапку и низко поклонился. – Заслужу вашей милости, – прибавил он. – Ведь я у него одиннадцать годов егерем жил. Про меня генерал худого ничего не скажут. Вином я мало занимаюсь. Пью, но чтоб малодушие к вину иметь – ни боже мой. Я егерь... Прирожденный егерь. Егерем у них поначалу был, а вот теперь пришлось всем заниматься. Дворник я, кучер и работник по всему дому.

Лифанов подумал и сказал:

– Что же, ты мне с руки. Старого рабочего человека, который бы знал здешнее гнездо, мне даже следует иметь. Ты сколько жалованья получаешь?

– Да что! Обещано было по восьми рублей в месяц платить, а только...

Левкей не договорил и махнул рукой.

– Ну ладно. Оставайся.

– Благодарим покорно, господин хозяин. Я вам заслужу. Я вам и в пяло и в мяло. Я на все горазд. Я и лошадь полечить, и корову... Собак-щенков натаскиваю так, что, может статься, во всем уезде такого другого человека нет. Будете охотиться, так я вам налажу охоту, что в лучшем виде...

– Да хорошо, хорошо, – перебил его Лифанов. – Ну, теперь пойдем и баню посмотрим, – обратился он к кровельщику и пошел по широкому грязному двору, когда-то усыпанному песком, но давно уже заросшему бурьяном и крапивой, что видно было по прошлогодним засох-

шим с осенних заморозков мертвым стеблям, около которых вылезала уже чуть заметная молоденькая травка.

Маляр и Левкей пошли тоже сзади. Левкей бормотал:

– Баня господская у нас была когда-то на отличку. Царь-баня, прямо можно сказать. Ну а теперь много надо плотнику поработать, чтобы на настоящую точку ее поставить. Полы провалились, стены рабочие закоптили. Да и водопровод не действует.

VII

Осмотрев баню с кафельными печами и каменкой из крупных изразцов, с мягкими диванами в раздевальном отделении, но с провалившимися полами и вывороченным из топки котлом, Лифанов возвращался к своему экипажу, чтобы ехать домой, но, проходя мимо домика управляющего, вдруг услышал за собой оклик:

– Господин купец! Как вас?.. Господин хозяин! Пожалуйте-ка сюда! На одну минутку...

– Сама вас кличет... – тихо проговорил Левкей Лифанову и кивнул назад.

Лифанов обернулся. У открытого окна домика управляющего, выходящего на солнечную сторону, вся залитая внешним солнцем, стояла красивая рослая полногрудая женщина лет тридцати с небольшим и улыбалась, выказывая ряд белых зубов. Одета она была пестро. На ней был ярко-желтый канаусовый шелковый корсаж с черной бархатной отделкой, перемешанной с белыми кружевными прошивками, и голубая шерстяная юбка, отделенная от корсажа широким черным поясом с серебряными украшениями и такой же широкой пряжкой на животе. Густые черные волосы были причесаны без вычур, над верхней губой виднелся черный пушок, над красивыми глазами были пушистые брови дугой.

– Это его собственная дама и есть. Генеральская то есть... – повторил тихо свою рекомендацию Левкей. – На манер экономки. Всех кур у нас зимой переела.

Лифанов медлил подходить к ней, но она повторила свое приглашение.

– Чего вы боитесь подойти-то? Вас не укусят. Подойдите сюда к окошку, – говорила она и, когда Лифанов подошел, еще шире засияла улыбкой и продолжала: – Вы это что же, вы нас выгонять приехали? Совсем уж выгонять?

– Да уж ежели купил усадьбу, под себя купил, то надо же... – отвечал Лифанов, несколько замямившись и рассматривая ее, причем увидел, что лицо ее было припудрено, а щеки и уши с серьгами в виде больших золотых колец были подрублены.

Видно было, что она нарочно для него затянулась в корсет, приделась и попритерлась.

На подоконнике перед ней стояли клетка с прыгающей канарейкой и баночка с десятком белых нарциссов, опущенных в воду.

Улыбка не сходила с лица красивой женщины, и она играла глазами, смотря на Лифанова.

– Вы знаете, кто я? Я думаю, обо мне здесь уж слышали? – спросила она и тут же прибавила: – Я Василиса Савельевна, Кукина моя фамилия... Позвольте познакомиться...

Она протянула Лифанову из окна руку в золотом браслете с несколькими кольцами на пальцах и сказала старику Левкею, стоявшему тут же:

– Уходи, Левкей. Чего рот-то разинул! Не люблю я, когда подслушивают. Да и вы уходите, – обратилась она к кровельщику и маляру.

Те попятнулись и стали уходить. Лифанов остался у окна, заглянул в комнату и увидел, что она была обмобилирована старинной мебелью красного дерева с мягкими сиденьями в белых чехлах. Стены были убраны фотографиями в рамках, висела масляная копия известной «Нимфы» Неффа, а в глубине у стены стояла широкая кровать, покрытая тканевым одеялом с широкими кружевами и с множеством разной величины подушек на ней с кружевными прошивками, сквозь которые виднелся розовый де-микатон. Увидел он также, что на полу у кро-

вати лежал хороший персидский ковер, а на ковре, поджав лапки, сидел огромный серый кот и шурился на солнце.

На вопросы Василисы Кукиной Лифанов ничего не ответил, а только подержался за протянутую ему руку и подумал: «Как живет-то, скажи на милость! Вот тебе и экономка! Куда лучше господ живет. У ней везде порядок, чистота, а там пыль, паутина, все мухами засижено, разбитые стекла бумагой заклеены. У самого генерала подушки блин блином, и даже одна с дыркой посредине была, когда я смотрел его спальню. Ну, да и то сказать: ведь она ханша. А генерал, как видно из разговоров, боится ее страсть».

– Когда же выгон-то? Когда же генерал обещал очистить дом? – спросила Василиса Кукина.

– Послезавтра назначил я ему, и это уж последний срок. Послезавтра я сам приеду... приеду со всем скарбом, потому мне уж больше ждать не приходится, – отвечал Лифанов.

Произошла пауза. Василиса Кукина опять сыграла глазами.

– Знаете, он не выедет завтра, ни за что не выедет из дома, долго не выедет, – проговорила она.

– Да как не выехать-то!.. – воскликнул Лифанов. – Помилуйте. Ну, тогда мы силой... Явимся с начальством и силой...

– И начальство ничего не сделает. Ему выехать некуда. Ну, куда он выедет, если у него гроша в кармане нет? Никуда не выедет. Вы папироску не хотите ли? – вдруг предложила она Лифанову.

– Нет, не занимаемся этим. Благодарю покорно... барынька...

Лифанов не хотел ее назвать по имени и отчеству, а назвал барынькой.

– Ну, какая я барынька! – опять улыбнулась она. – Была я на манер барыни, пока он в силах был, пожила малость, а теперь последние крохи проживаю и даже подчас ему даю. Вчера еще он у меня и себе, и капитану на табак рубль занял. У носков все пятки у него проносились, а купить не на что. Все белье в дырках... Чиню ему... заплатки вставляю... А выехать, так на какие деньги ему выехать? Ведь в городе сейчас за квартиру надо заплатить. Переехал – и сейчас деньги на бочку... Вы не хотите ли кофейку чашку, господин купец? – опять предложила она. – Извините, что не знаю, как величать вас...

– Мануил Прокофьевич я, а насчет кофейю увольте... Сейчас чай пил, – отвечал Лифанов.

Она опять стрельнула глазами и проговорила:

– Очень жаль... А то зашли бы ко мне, Мануил Про-кофьевич, посидели бы полчасика, и я вам многое бы кое-что рассказала, а то здесь у окна неловко.

«Экономка, а как запанибрата со мной... Купца в гости зовет? Уж не хочет ли она меня обойти, на кривой объехать? Вон как глазами-то стреляет!» – подумал Лифанов и сказал:

– Некогда, барынька... Ко дворам пора... А с генералом будете говорить, так прямо ему скажите, что никакой отсрочки больше не будет, а чтобы он без всяких разговоров к послезавтраму очистил дом. А затем, будьте здоровы... Пора ехать домой.

Лифанов приподнял картуз и стал отходить от окна.

– Пойдите... Куда же вы?.. Поговорим хоть около окна, – остановила его Кукина и, когда он обернулся, прибавила: – Дома-то успеете еще насидеться. Вы что такое: вдовый, женатый?

– Двадцать седьмой год доживаю со своей старухой-сожительницей. У меня дочь замужняя, сын студент, по технологическому институту он в Питере, дочка-невеста есть.

– Ах, вот как! А мне кто-то сказал, что вы так же, как и мой генерал, вдовый... Как врут-то, – несколько понизила она тон. – Впрочем, какой же он теперь мой! Куда бы он отсюда ни уехал, проститься с ним придется. И здесь-то уж я проедаю свои, что раньше скопила. Да отчего вы ко мне не зайдете? – воскликнула она, видя, что Лифанов сделал несколько шагов к окну. – Право, зашли бы... выпили кофейку... Я только сейчас кофей заварила. А познакомиться мне с вами приятно.

Лифанов смотрел на ее красивую фигуру, улыбнулся и пробормотал:

– Нельзя-с... Генерал приревнуют. А их зачем же обижать? И так уж они в горе и несчастьи.

– Ага, вот что! Так вы генерала боитесь? Бросьте... Отчего же я-то не боюсь? Я вам вот что скажу: как только вы генерала отсюда выживете, я совсем с ним прикончить хочу. На это уж я решилась.

– Здравствуйте! Чего мне его бояться! Совсем я его не боюсь... Зайти мне к вам не расчет... Но зачем, позвольте вас спросить? Ведь только на соблазн людям. Начнутся разговоры, и хоть ничего такого промеж нас не будет, а вам будет мараль, да и мне то же самое.

– О, я этого не боюсь! Мало ли тут сплетничают! – отвечала Кукина. – Идите, идите ко мне... Ведь только на минутку зову, чтоб кое-что вам по вашему же делу сказать. Идите в подъезд... Не заперто... Идите... Ведь у меня никого нет. Одна я... Чего вы стали!

Лифанов колебался, но, посмотрев по сторонам и видя, что никого вокруг нет, подумал: «Баба-то уж очень хороша, совсем аховая», улыбнулся и юркнул в маленький крытый подъезд домика управляющего.

VIII

Вход в комнаты домика управляющего был через кухню. Василиса Савельевна встретила Лифанова на пороге кухни. Лифанов снял с себя калоши и пальто. Кухонька была чистая, с хорошо вычищенной медной посудой на полке. Высился пузатый старинный самовар, со стены над столом висели медные весы, на плите грелся кофейник. Рядом с кухней, куда привела Лифанова Василиса Савельевна, была маленькая столовая со старинным шкафчиком со стеклами, стоящим на пузатом комод. Из-за стекол виднелись расписные чашки, висели чайные и столовые ложки, вставленные в сделанные для этого в полке гнезда. Посреди комнаты был стол, покрытый красной салфеткой, над столом висела лампа. Стулья были обиты сафьяном. В простенке между окон висело зеркало в резной золоченой, значительно уже полинявшей рамке.

– Ну, вот садитесь к столу, так гость будете. А я сейчас кофейник принесу, и будем кофей пить, – приглашала Василиса Савельевна Лифанова.

Лифанов, увидав в углу икону в серебряном окладе и в темном киоте с лампадой и выглядывающей из-за киота вербой, перекрестился и сел к столу.

Появился кофейник, сливочник, зазвенела посуда, вынимаемая из шкафчика, поставлена на стол сухарница со сдобными булками, а затем и сама хозяйка подседа к Лифанову.

– Что ж, вы и меня послезавтра выгонять будете? – спросила она его, наливая ему в чашку кофе.

– Да ведь уж надо же... Ведь с Великого поста об этом у меня с генералом разговор идет – и все ни с места. Теперь условлено так, что генерал послезавтра сюда, в этот домик, переедет, а вы в домик садовника, который около оранжереи. Но только на одну неделю, – подчеркнул Лифанов, спохватившись.

– Кто же это условился-то за меня? – спросила она, улыбаясь. – Странно. Ну а ежели я не выеду, никуда не выеду? Что вы со мной поделаете? Ничего не поделаете.

Лифанов немного встал в тупик, но потом тихо засмеялся и проговорил:

– Хе-хе-хе... Выедете. Вы, барынька, с понятиями к жизни. Вы не княжна-старуха... У вас малоумия этого самого нет. Очень чудесно понимаете, что в чужом добре свои распорядки иметь нельзя.

– Ну а вдруг возьму да и останусь, где сию? Я женщина капризная, балованная. Когда-то он меня как баловал! Кушайте кофей-то. Вот сливки.

– Благодарю. А насчет выгона вот что скажу. Конечно, дубьем или хворостиной выгонять нельзя – по закону за это ответишь. Но на то, сударынька-барынька, полиция есть.

– Кто? Становой пристав? А если я его не послушаюсь?

– Сопrotивление власти... А за сопротивление власти на казенные хлеба сажают, – полупотушливо-полусерьезно отвечал Лифанов, мешая ложечкой кофе. – Но до этого не дойдет. Вы барынька хорошая.

– Ничего и становой пристав не поделает со мной. Он влюблен в меня давно, и только я ему вот так пальцем и две-три улыбки – он на стену для меня полезет.

Василиса сделала пальцем манящий жест.

– Так что ж бы вам к нему-то? Вот и пускай вам квартирку наймет, – продолжал Лифанов. – На полицейских хлебах жить сладко. Все лавочники в стане будут почтительны.

– А мне ужасно хочется здесь остаться. Послушайте... Возьмите меня к себе в экономки. И Василиса, лукаво улыбнувшись, стрельнула глазами.

– Что вы, барынька! Да меня жена забодает, ежели я такую кралю к себе в экономки возьму! – воскликнул Лифанов.

– Не забодает. Я сделаю так, что и жене вашей потрафлю. Ведь уж на что старая княжна ретива и с павлином в голове, а я и ей потрафляла. Сколько лет потрафляла. Возьмите.

– Хе-хе-хе... Невозможно этому быть. Не говорите.

– Отчего? Вы думаете, что я так по-модному-то одета? Так это оттого, что у меня работы по хозяйству нет. Какое здесь хозяйство! А я работающая. Вы спросите-ка Левкея, как у нас было лет пять тому назад, когда еще генерал настоящим помещиком существовал. Я ему и квасы, я ему и меды... Варенье, соленье... Грибы, ягоды, огурцы... Наливки, настойки... А ведь у вас будет хозяйство большое. Ну-ка, давайте решать.

– Нет, ах, оставьте... Что вы! У меня жена хозяйкой будет. Сыровата она маленько, но тоже дама на все руки! Она и пирог с рыбой загнет, она и настойку настоит.

– Ну, а вот я ей в подмогу... Жалованья восемь рублей...

– У жены кухарка есть для подмоги. Горничную держим, девушку, из дальней родни.

– Да это само собой. Здесь вам лакея придется держать, коли хотите на настоящую ногу жить, потому, посмотрите, какой дом большой. Ведь его надо в чистоте содержать.

– Об этом мы давно воображаем. Может статься, и повара заведем. В люди вышли, такое имение купили, так чего ж лаптем щи хлебать! Пора и на настоящую господскую ногу стать.

– Так вот поэтому-то экономка вам и требуется. И повара вам отыщу, хорошего повара, который прежде у генерала жил. Он хоть и старик, хоть и запивает иногда, но повар такой, что на удивление. Ведь сколько, бывало, к нам из губернии-то хороших гостей наезжало! Он такие обеды закатывал, что только похваливали. Губернатор раза два приезжал обедать, так и тот кулебякой объелся. Потом, как сейчас помню, капли принимал. Повар этот без дела в селе Корнилове живет и по именинам у помещиков стряпает, так вот я вам его и подсватаю, – тараторила Василиса, рассыпаясь перед Лифановым.

Тот внимательно слушал, видимо, любовался ею, и проговорил:

– На поваре благодарим покорно. Повар потребуется.

– А я?

– Милая барынька, кралечка вы козыристая, совсем приятная, но в экономки-то невозможно. Простите.

– Отчего? Ну, что вам восемь рублей в месяц!

– Да не в расчете дело. Восемь рублей иногда мы на лафите в один день в трактире пропиваем.

– А уж и заслужила бы я вам.

Василиса подмигнула Лифанову и продолжала:

– А для житья мне даже и одной комнатки довольно. Это ведь я только теперь в этот-то флигелек переехала, а раньше, при управляющем, я в большом доме жила. Да вот дернула нелегкая генерала перед Пасхой дочь свою, Лидочку бесценную, от тетки из Петербурга пого-

стить выписать! Удивляюсь генералу! Надо полагать, он совсем спятил с ума. И самим-то жрать нечего, жила дочка у тетки в довольстве, а тут вдруг на молочный суп да на картофель ее к себе привез. Черт лысый! – выбранилась Василиса и опять спросила: – Так как же? Извините, позабыла, как вас величать.

– Мануил Прокофьич, – подсказал Лифанов.

– Так как же, Мануил Прокофьич, насчет меня-то? Вы вот что... Вы подумайте, а я подожду до послезавтра, когда вы переедете сюда. Уж так бы хорошо, так хорошо было мне здесь у вас остаться! А нрав мой кроткий, это ведь я так только борзуюсь, потому люблю разговаривать. У меня характер послушный. Чего вы смеетесь? Право слово... Вот и теперь. Приказывайте, куда мне переместиться к послезавтрему. Все для вас сделаю.

– Да генерал на неделю сюда переедет, где вы, а вы в домик садовника.

– Ну, хорошо, хорошо. Видите, какая я сговорчивая! – подхватила Василиса.

– Вот и ладно. А только и там, барынька, больше чем неделю оставаться нельзя.

– Ну, вы добренький, вы подумаете. Может быть, как-нибудь. Я по глазам вижу, что вы добрый.

Она улыбнулась, опять стрельнула глазами в Лифанова и своею рукой погладила лежавшую на столе мягкую руку Лифанова с обручальным кольцом.

– Да чего тут думать-то? Думать-то тут нечего! – отдернул он руку и, вставая из-за стола, прибавил, осклабясь во всю ширину лица: – Ах, какая вы женщина! То есть просто удивительно какая!

– Самая простая. То есть вот простота-то! Только куда ж вы? Надо вторую чашку, – сказала Василиса.

– Не могу-с... Благодарим покорно на угощении. Ко дворам пора. Своя собственная баба будет к ужину ждать.

– Нацелуетесь еще со своей-то. Выпейте еще. А мне так приятно с вами разговаривать. Вы все на окно оглядываетесь. Бойтесь, что кто-нибудь увидит? Ах, какой беспокойный! Ну, хотите, так я окно занавеской закрою.

Она бросилась к окну и задернула кисейную занавеску, висевшую на шнурке.

– Да не надо, ничего не надо. Я еду, – остановившись у Лифанова и пятившись в кухню.

– Экий вы какой несговорчивый! Ну да ладно. Подождем до послезавтраго. Так до послезавтра? – спросила она и сама протянула ему руку, даже взяла его руку. – Надо вас проводить. Сейчас только платок на себя накину, – прибавила она и, покрыв голову шалевым платком, вышла за одевшимся уж в кухне Лифановым на крыльцо.

Маляр и кровельщик стояли в отдалении. Был и Левкей с ними, жарко что-то рассказывая.

– Едете, Мануил Прокофьич? Можно и нам отправляться? – спросил кровельщик Гурьян. – Я и Евстигней захвачу. У меня подвода.

– Отправляйтесь... – кивнул им Лифанов, косясь на Василису, и сказал ей: – Уходите, барынька, уходите. Довольно меня провожать.

Левкей побежал к сараю, где стоял тарантас Лифанова, сказать, чтобы кучер подъехал к крыльцу.

Кучер сейчас же подъехал. Лифанов влез в тарантас. Василиса стояла на крыльце, кутаясь в платок, и, снова стрельнув глазами, сказала Лифанову:

– Теперь, наверное, вас во сне видеть буду. Наверное... Уж я себя знаю...

IX

Приезд Лифанова, решительно объявившего, что выезжать Пятищеву надо непременно к послезавтра, произвел в семье его страшный переполох, доходящий до болезненного состо-

яния почти всех членов ее. Все и раньше знали, что дом должен быть очищен, но по своему легкомыслию думали, что это можно сделать не так скоро, а потому день за днем и отдаляли решение, куда им деться. Теперь же вопрос этот становился ребром. Лифанов еще сидел с Пятищевым в столовой и требовал от него неотлагательного выезда, как со старухой-княжной сделалась в ее комнате истерика. Она то рыдала, то нервно хохотала, произнося при этом заочно бессмысленные угрозы Лифанову, упоминая при этом имена губернатора и некоторых высокопоставленных лиц, которые, по мнению ее, должны будут заступиться за нее. Капитан и Лидия были при ней, успокаивали ее, отпаивали валерьяной и давали нюхать спирт.

Пятищев узнал об истерике княжны сейчас же после ухода Лифанова, но не пошел к ней, а удалился к себе в кабинет, тяжело вздохнул, снял с головы феску, сел на оттоманку и долго тер ладонью лоб и лысину. Он долго сдерживался перед Лифановым, старался быть учтивым, ласковым, даже заискивающим, хотя в душе чувствовал совершенно противоположные чувства, и это его сильно взволновало. Он сознавал, что уже настало время, что с собой нужно что-нибудь делать, и решительно не знал что. Планов у него было много, но все они были неисполнимые или очень трудно исполнимые. Чаще всего ему лезла в голову мысль уехать за границу, поселиться в каком-нибудь захолустном городишке и жить самым скромным образом, отказывая себе во всем лишнем. Но эту мысль тотчас же перебивала и другая мысль: на какие деньги уехать, чем за границей жить? Пенсии у него не было никакой, имущества никакого. Последнее имение его Пятищевка в две тысячи десятин земли было куплено с торгов Лифановым, у которого была вторая закладная. Лифанов сначала покупал у него лес на сруб участками, потом дал денег под вторую закладную. Независимо от этого, Пятищев взял у него денег под вексель, уплату в срок не производил, вексель переписывал с начислением процентов, Лифанов описал у него движимое имущество, и Пятищев, во избежание публичных торгов, во избежание скандала по всему уезду, отдал Лифанову за вексель почти все свое движимое имущество, то есть мебель и посуду.

Посидев на оттоманке, Пятищев расстегнул теплый охотничий пиджак, бывший на нем, и стал прислушиваться к своему сердцу, держа руку на левой стороне груди, потом стал считать биение пульса под подбородком, не сосчитал и тотчас же начал принимать какие-то капли, наливая их на сахар, считал, но сбился и принялся сосать сахар. Руки его тряслись.

– Старческое сердце, слабое сердце, усталое сердце, старайтесь не волноваться, говорит мне доктор, а тут этакая передряга! – пробормотали тихо его губы. – Господи, спаси и помилуй!

Он взглянул на образ и набожно перекрестился.

– Как тут не волноваться! – повторил он, подсаживаясь к письменному столу, взял карандаш и начал вертеть его в руке. – Жгучий вопрос, насущный вопрос, вопрос о существовании... – продолжал он бормотать вслух.

Капли несколько успокоили его. Через минуту он написал на лежащей перед ним бумаге: «Как и куда выехать?» Фразу эту он подчеркнул и подправил вопросительный знак, сделав его жирным. Немного погодя он написал внизу слова: «В губернский город. В посад. За границу».

В голове его мелькало: «Мне положительно удобнее всего уехать за границу. Капитан получает пенсию и может где угодно поселиться. Лидию пошлю опять к тетке. Тетка ею не тяготится. Остается княжна... Ах, уж мне эта княжна! Во всем, везде она мне запятая!»

Пятищев опять тяжело вздохнул, придвинул к себе красивый ореховый ящичек с табаком и гильзами, набил себе папиросу и закурил.

«Впрочем, ведь я писал сестре Кате, чтобы она схлопотала княжне комнатку в Петербурге, в обществе дешевых квартир. Княжна тоже получает пенсию... Пенсия ничтожна, но, я думаю, ей как-нибудь хватит. Комната стоит пустяки... А там прилично... Я был там лет пять тому назад... Навешал эту... Как ее?... Старушку Кукляеву. Спокойно, чисто... Живут все больше дворянки, вдовы чиновников. Мещанок этих... самых простых, кажется, совсем нет, – рассуждал он. – Удивляюсь только, что Катя ничего об этом мне до сих пор не написала.

Княжна была тогда почти согласна ехать в Петербург и там поселиться. Теперь скоро ей получать пенсию. На выезд-то хватит, и на комнату хватит. Что там платят за комнату? Кажется, семь-восемь рублей в месяц. Сегодня надо ей сказать об этом решительно. Только так и возможно ей устроиться. Я что же? Если я выеду отсюда, куда бы я ни выехал, я не могу жить с ней, не могу давать ей помещения. Откуда я возьму? Мне впору только до себя. Я и сам не знаю, как я буду существовать».

Пятищев в волнении поднялся из-за стола и заходил по кабинету. Кабинет был большой, с прибавкой мелких цветных стекол в окнах, с дубовой мебелью, обитой зеленым сафьяном, местами протертым и прорванным. Письменный стол был большой, с хорошей бронзовой чернильницей. По стенам стояли дубовые резные шкафы с книгами, оттоманка, крытая ковром, на мольберте помещался задрапированный шелковой красной материей портрет его жены, умершей в молодых годах, очень красивой женщины в бальном платье с декольте и с бриллиантами на груди и на шее.

Спустя минуту Пятищев воскликнул вслух, почти в радостном тоне:

– А пока сестра Катя княжне все это устроит в Петербурге, княжна может жить с капитаном. Он боготворит ее. Наймут они квартиру в посаде... Там дешево... Можно за два гроша... Возьмут к себе нашу Марфу в прислуги. У него и у нее пенсия... Им за глаза... Безбедно могут жить, если по одежке протягивать ножки. Да, надо, надо... Но какой счастливый выход! – бормотал он торжествуя. – Как это мне раньше в голову не пришло! Скажу им сегодня за ужином. Надо уговорить княжну... И как это хорошо будет. А то княжна меня стесняет теперь до невозможности!

Он сделал вторую папироску, лег на оттоманку и уж с облегченным сердцем стал курить.

«А я за границу... в Италию, в какой-нибудь глухой городок, где за пять лир можно пансион взять у какой-нибудь старушки-итальянки. Там и кончу дни свои... – рассуждал он. – Вопрос только за деньгами... Шутка сказать, за деньгами! Но все-таки не надо отчаиваться... Надо подумать, надо изыскать источник, где их найти. Занять – у всех занято... Больше негде занять...»

Пятищев поднялся, сел на оттоманку и обвел глазами свой кабинет.

– Обстановку кабинета разве попробовать продать тому же Лифанову? Кабинет мой, я выговорил себе его обстановку при продаже Лифанову мебели. Но на что мне тогда обстановка, если я уеду за границу навсегда? Да если бы и не навсегда? Мебель – только бремя. Надо про- сить куда-нибудь поставить, а то и платить за ее помещение. Продам. Не Лифанову, так другому продам. За кабинет дадут... хорошо дадут... Наконец, библиотека... Книги стоят денег. Трудно их здесь продать, но надо постараться. В губернском городе продать... Да и кровать мою можно продать. Она хорошая, бронзовая... Тюфяк... Шубу можно продать. На что мне шуба, если я буду жить в Италии, в благодатном климате!

Он даже повеселел при этой мысли.

«В Италию! За границу! Не стоит в России оставаться! Не стоит! – мысленно повторял он, шагая по кабинету. – Там меньше все будет напоминать о прошлом, меньше раздражать... Там я успокоюсь под сводом голубого неба. Да и долги... Положим, крупный долг погашен, но мелкие долги... Здесь пристают, просят уплаты... Тревожат, душу выматывают. А там уж я буду спокоен... Никто не потревожит. Надо только уехать тихо, незаметно. Интересно смекнуть хоть приблизительно, сколько я могу выручить за оставшиеся у меня вещи?» – задал он себе вопрос, опять подсел к столу и написал: «Кабинетная мебель. Кровать. Шуба».

Он еще раз обвел глазами кабинет и сказал себе: «Вон барометр еще остался – и он стоит денег. В общем, и это подспорье. Чернильницу продам. Она бронзовая. Не везти же мне ее с собой! А книги? Да, книги... Их томов пятьсот будет, а то и больше».

Он написал: «Книги».

Послышались шаги в соседней комнате и крикание. По криканию Пятищев узнал капитана.

– Можно к тебе? Ты что делаешь? – спросил наконец капитан, стоя на пороге кабинета.

– Да вот, соображаю. Завтра надо выбираться из этого дома. Я дал Лифанову слово, – отвечал Пятищев. – Кроме того, сейчас окончательно решил насчет моего дальнейшего прозябания. Я ведь не живу теперь, а прозябаю. Это жизнь растительная...

Капитан вошел и сел около письменного стола в кресло.

– Придумал комбинацию, куда и вам всем деться, и как жить... – продолжал Пятищев. – И кажется, удачную. Не знаю только, как вы все согласитесь. Тебе я сейчас скажу свои планы, а княжне и Лидии сообщу во время ужина. Ах, мне эта княжна! С ней труднее всего!..

Пятищев снова тяжело вздохнул.

Х

– Ты сейчас упомянул о княжне... – начал капитан. – Это несчастнейшая женщина. Мне кажется, ей не пережить всей этой катастрофы. Ты знаешь, купчишка Лифанов до того потряс ее нервы, что с ней сделалась форменная истерика, и я и Лидия насилу успокоили ее, насилу привели в чувство. Да и посейчас она больна, совсем больна.

– Знаю... Слышал, – отвечал Пятищев. – Я слышал, как она вскрикивала.

– Отчего же ты не зашел к ней?

– Что ж мне заходить? Что я мог бы поделать? При мне ей было бы хуже. Она на меня же напустилась бы с попреками. Ведь она в одном мне видит причину всех наших бедствий. А тут судьба, неумолимый рок... Рок, преследующий почти всех дворян-помещиков. Один погибает раньше, другой погибнет позднее... Может быть, мы в самом деле выродились, перестали быть способными к ведению хозяйства, как читал я где-то, не помню, но в конце концов мы все погибнем. Рок... – повторил Пятищев. – А удары рока надо сносить терпеливо. Так и княжна должна сносить с покорностью. Впрочем, у ней-то никогда ничего своего и не было, и у отца ее никогда ничего не было, – прибавил он. – Жил жалованьем сенатора. Однако оставим это. Сейчас я тебе сообщу комбинацию, которую я придумал в нашем несчастии, и мне кажется, что я с честью выйду из всего этого.

– Постой... – перебил его капитан. – А я пришел сообщить тебе кое-что о твоей Василисе. Ты знаешь, этот мерзавец был сейчас у Василисы и пил у ней кофе.

– Какой мерзавец? – быстро спросил Пятищев.

– Ах, боже мой! Да Лифанов-то.

– Ну-у?! Ты говоришь, кофе пил?

– Сидел у ней больше часа и кофе пил. Мне сейчас наша Марфа сообщила.

– Стало быть, он ее сам предупредил о выезде... – проговорил Пятищев, и на лице его выразилось беспокойство, но он тотчас же спохватился, прибавив: – Впрочем, может быть, это и лучше! Он разрядил батарею. Все удары посыпались на него, и мне будет теперь уже легче завтра перевозить ее. А я это обещал Лифанову.

– Напротив, Марфа рассказывает, что никаких ударов не было. Марфа подсмотрела, Марфа видела, что сама Василиса его к себе и заманила, – повествовал капитан. – Пили они кофе самым дружественным манером, и даже на окнах занавески были задернуты. Тут уж, разумеется, Марфа ничего не могла видеть.

Капитан подмигнул. Пятищев махнул рукой.

– Оставь, Иван Лукич. Ты как баба исплетничался. Да и все равно это теперь для меня. Уезжая за границу, я должен с Василисой прикончить. Это решено.

– Слышали уж об этой загранице! – в свою очередь махнул рукой капитан. – Да и о Василисе слышали.

– Нет, на самом деле я уеду за границу, – стоял на своем Пятищев. – Сейчас я тебе поведаю мой план. А Василиса?.. Что ж Василиса?.. Она кое-как в разное время уж награждена мной... У ней есть кое-что, и она не умрет с голоду, если не будет роскошничать. А план мой вот какой... Я на самом деле уезжаю за границу.

– Да на какие средства?! – вскричал капитан. – Что ты за вздор говоришь!

– А средства вот какие...

И Пятищев стал рассказывать капитану то, что решил перед его приходом, после чего спросил его:

– Ну, во сколько ты ценишь мою библиотеку?

– Гм... Что я могу сказать? Особой книжной мудростью я не умудрен. Не знаю я, и какие у тебя книги. Но знаю, что старые книги за два гроша покупают.

– О, нет. В этих шкапах есть очень редкие сочинения. Весь Вольтер тут... Есть Гете, Шиллер, Сталь, Жорж Санд, старинное собрание сочинений Пушкина, издание Анненкова. Надо только у нас в губернский город продать. Там оценят. Ну, а как ты думаешь, за что я могу обстановку моего кабинета продать?

Капитан окинул взглядом кабинет.

– Да, я думаю, рублей сто напросишься, – сказал он.

– Что ты, Иван Лукич! Да один барометр рублей сорок стоит. Ты смотри: барометр, градусник, часы... Наконец, у меня остался еще женин медальон с моим портретом. На нем три бриллианта. Я хранил его как память, долго хранил, но теперь при исключительных обстоятельствах я могу продать и его. На память о жене у меня останется обручальное ее кольцо и вот этот ее портрет, – кивнул Пятищев на портрет, стоявший на мольберте. – Впрочем, об этом после. Сейчас я предложу тебе мой план для тебя и для княжны. Ведь ты тоже еще не решил, что с собой делать.

– Я старый солдат. Обо мне не беспокойся. Я видал на своем веку и сладкого, и горького, – отвечал капитан, пуская струю дыма из трубки. – Обо мне не беспокойся. Есть у меня грошовая пенсия, и я как-нибудь скоротаю свой век. Княжна – дело другое...

Но в это время зашлепали в соседней комнате туфли, заскрипели половицы, и показалась княжна, а сзади ее следовал мопс. Княжна теперь казалась толще, чем она была при приезде Лифанова. Под куньей накидкой на ней были надеты драповая кофточка и большой суконный платок, голова была обвязана мокрым полотенцем и сверху прикрыта пуховой косынкой. Когда она вошла в кабинет, капитан тотчас же вскочил и подставил ей стул.

– Нет, я не сяду. Мерси. Я не могу сидеть. Я должна ходить, чтобы согреться, – отвечала она слабым ноющим голосом. – У меня лихорадка. Лев Никитич, я к тебе... – обратилась она к Пятищеву. – Вели Левкею принести откуда-нибудь дров. Я приказываю Марфе затопить у меня печку, а она объявляет, что топить нечем, что Левкей ей не принес дров.

Сзади стояла и сама Марфа, пожилая женщина в темном ситцевом платье и красном платке на голове.

– Левкей говорит, что совсем нет дров, что надо в лес за дровами ехать, а купец запретил рубить, – сообщила она.

Пятищев встрепнулся.

– Какой вздор! – воскликнул он. – Не может быть, чтобы не было дров! Топливо найдется и помимо леса! Мало ли у нас на дворе есть всякого хлама! Там я видел около скотного двора сорвавшиеся с петель старые двери. Их можно изрубить и жечь.

– Да ведь двери, барин, какие были – их лавочнику за муку сменяли.

– Пустяки. Ну, пусть Левкей рубит на дрова решетку от фруктового сада. Она все равно развалилась. Прикажи ему моим именем. Да и сама иди. И сейчас затопи у княжны печку.

– У меня ужин готов. Поди, ужинать будете. Кто ж на стол накроет? Кто кушанье будет подавать?

– Еще только семь часов, а мы ужинаем в восемь. Пожалуйста, не разговаривай и иди топить у княжны печку. Сходи за дровами. Пусть Левкей решетку рубит.

Марфа переминалась и не уходила.

– Барин, мне бы рублик... – начала она. – Дайте хоть рублик из жалованья... Явите боже-скую милость. Ведь уж сколько времени я не получала.

– Нет у меня теперь денег. Завтра... Или, лучше сказать, послезавтра. Приедет купец, я получу от него деньги и дам тебе, – сказал Пятищев.

– Ах, боже мой! Вот я несчастная-то! Живу, живу, и все попусту. Барин, да ко мне сапожник пришел с сапогами. Он подметки к сапогам мне подкидывал и требует денег.

– Ну, и сапожнику скажи, что послезавтра.

– Да он сапоги-то без денег не отдает. А я босая.

Марфа выставила из-под подола голую ногу.

– Нет у меня теперь денег. Послезавтра, послезавтра! – раздраженно повторил Пятищев и махнул рукой бабе: – Уходи! Скройся!

Марфа удалилась. Капитан взглянул на Пятищева и спросил:

– Откуда ты послезавтра возьмешь денег?

– Кабинет свой Лифанову продам, – отвечал Пятищев и ласково сказал все еще стоявшей в кабинете княжне: – Успокойся, княжна. Сейчас тебе жарко-прежарко истопят печку.

XI

Пятищев положил себе за непрременную обязанность к послезавтра очистить большой дом для Лифанова, о чем решил сегодня же сообщить всем членам семьи, а также и Василисе. Перед ужином он сменил феску на дворянскую фуражку с красным околышком, взял трость с серебряным набалдашником чеканной работы, изображающим во весь рост нагую женщину в соблазнительной позе, закинувшую голову назад, и отправился во флигель к Василисе. Василиса была уже переодевшись в простое розовое ситцевое платье и пекла себе на плите яичницу с ветчиной.

– Здравствуйте! Каким это таким ветром вас занесло ко мне? – встретила она Пятищева и при этом сделала смеющиеся глаза.

– Как каким ветром? Я вчера у тебя был, – проговорил Пятищев, сняв фуражку и присаживаясь на табурет к кухонному столу.

– Ах, это за рублем-то? Так какое же это бытье! Заглянули, как солнышко красное из-за туч, взяли деньги и скрылись. А я про настоящую побывку говорю. Прежде захаживали кофею попить, посидеть, разные кудрявые слова поговорить с Василисой.

– Дела, Василиса Савельевна, не веселят. Судьба меня бьет, судьба меня вконец доконала.

Пятищев тяжело вздохнул.

– Да ведь уж знаю, слышала. Сколько раз об этом говорено было. Но я скажу одно: сами кругом виноваты. Ну что ж, и сегодня на минутку ко мне или останетесь чайку попить? – спросила Василиса.

– Какой же чай! Нам скоро надо ужинать. Меня там семья ждет. А пришел я, чтобы сообщить, что тебе завтра придется выехать отсюда в дом садовника. Неприятно это, но что же делать.

Пятищев ждал града попреков, обвинений по своему адресу, но Василиса сказала:

– Знаю. Слышала. Сам купец объявил мне. Он был у меня. Заходил на минутку. Ведь вот все его ругают, а он политичный мужчина и даже учтивый.

– Я его, милая, не ругаю, но согласись сама, не могу же я к нему относиться дружественно, если все нынешние бедствия вылились на меня через него.

– Сама себя раба бьет, коли худо жнет. Не от него бедствия, а от управляющего-немца. Давно надо было его выгнать. А вы когда с ним расстались? Когда уж насосался он и сам отвалился. Мало он у вас тут нагребил, что ли! Вот теперь и плачьтесь на него. А купца поносить нечего...

Пятищев в словах Василисы видел прямо перемену фронта. На управляющего-немца она всегда указывала как на врага его и хищника, но не щадила и Лифанова в своих разговорах, называя его мошенником, кровопивцем и т. п., неоднократно даже сулилась «глаза ему выщарапать» и «поленом ноги обломать» при свидании.

– Купец, то есть Лифанов, даже очень деликатен ко мне, и я это сознаю, – проговорил Пятищев. – Около двух месяцев он просит меня очистить ему усадьбу, и я не могу это сделать, потому что меня обуревают семья. Поносить же его я не поношу. Какая польза от этого? Я смирился. Его поносят капитан и княжна, но и те в раздражении. А их раздражение тоже понятно. Пришел вандал, сильный вандал, заручился правом и гонит из насиженного гнезда.

– Вы мне таких мудреных слов не говорите. Я все равно не пойму... – перебила его Василиса.

– Я, кажется, ничего такого не сказал, чего бы ты не могла понять. Уж не такая же ты серая. Ты много читала хороших книжек, которые я тебе давал... – несколько обидчиво произнес Пятищев.

– А что читала, то и забыла. У меня памяти нет.

– Вернемся же, однако, к Лифанову, – в свою очередь перебил ее Пятищев. – Разумеется, каждое его посещение приносит мне неприятность. Я его принимаю у себя по необходимости, скрепя сердце, заставляю себя быть с ним ласковым. Это нужно мне, потому я перед ним виноват. Но ты-то, ты-то для чего его кофеем у себя поила?

– Ах, уж вам известно? Подсмотрели и доложили? – вскинула на него Василиса глаза. – А затем, что он теперь здешний хозяин. Ведь я вам уж не нужна. А он, может статься, в экономки меня возьмет.

– А ты к нему пойдешь?

– Да отчего же? Руки-то у меня не отвалились, коли ежели бы взял, – проговорила Василиса, улыбаясь. – А только он не хочет... «У меня, – говорит, – жена – хозяйка».

– Ах, уж ты ему даже и предлагала! Не ждал я от тебя этого.

Пятищева что-то кольнуло. Ему сделалось обидно, горько. Он нахмурился. Василиса не смутилась и продолжала:

– Да отчего же и не предложить? Хлеб за брюхом не ходит, а брюхо...

– Ну, оставим, оставим это. Ты должна завтра выехать в дом садовника.

– И выеду. Я купца потешу.

– А мы въедем в этот дом.

– Удивляюсь, как вы влезете сюда со всей своей требухой!

– Да ведь только на неделю, пока капитан и княжна не приищут себе помещения в посаде.

А я за границу... Это уж решено.

– Никуда вы не уедете, – покачала головой Василиса. – В домишко-то этот, может статься, переселитесь, а уж отсюда никуда...

– Нет, нет! Я слово Лифанову дал! Честное слово дворянина, что только на неделю! – воскликнул Пятищев. – Ну, может быть, дней на десять, а уж не больше. И тебе в домишке садовника больше недели жить нельзя. Так я порешил с Лифановым.

– Ну, обо мне-то теперь не заботьтесь, – махнула рукой Василиса. – Я на своей воле. Коли обо мне другие не заботятся, я сама себе госпожа и должна о себе думать. Не возьмет он меня к себе в экономки, так я этот домик под себя у него найму. Домик садовника то есть. Найму и буду в нем жить. Купец сдаст. Он человек торговый. Он понимает выгоду. Лучше же ему взять что-нибудь за домишко, чем он будет зря пустой стоять.

Пятищев хоть и решил расстаться с Василисой, но его от этих слов корбило. Он пожимал плечами, вздыхал, морщился, тер лоб. Он для того и пришел к ней, чтобы сказать, что они навсегда расстанутся, но он все-таки ждал от нее сцен, попреков, ревности, слез, то бурных, то нежных – и вдруг ничего этого нет, вдруг она сама первая приготовилась к расставанию с ним. Василиса смотрела на него, улыбаясь. Она сняла с плиты сковородку с яичницей, подошла к столу и сказала все еще сидевшему около него Пятищеву:

– Вы чего это дуетесь, как мышь на крупу? Должна же я и о себе заботиться, как мне жить и питаться. Да... Ведь нужно же мне как-нибудь жить и подумать, чтобы быть сытой, если меня бросают. Ведь не кошка я, не могу без угла жить и питаться мышами. Да и кошка угол имеет. Вот я найму себе у купца домик, буду жить, вязать кружева и продавать в посаде, начну заниматься белошвейством, как раньше занималась. Я не вы, я человек рабочий, я всегда себя пропитаю как-нибудь...

Пятищев почувствовал справедливость сказанного, и ему становилось все больше и больше. Он отдулся, нахмурился как туча и встал, взяв трость и фуражку.

– Я все сказал... – проговорил он. – Я только затем и пришел, чтоб сказать тебе, что нужно завтра выехать, – проговорил он, помолчал и прибавил: – А мы должны расстаться, все прикончить.

– Да ведь уж и прикончили, – вставила Василиса.

– Впрочем, уезжая, я еще зайду к тебе проститься... А пока до свидания... – бормотал Пятищев, уходя из кухни и любуясь красивой и статной фигурой Василисы.

Василиса стояла, отвернувшись от него вполоборота, и отирала глаза передником.

– И зачем заходить, чтобы только глупости говорить и раздражить!.. – проговорила она со слезами в голосе.

Пятищеву вдруг стало ужасно жалко ее. Он подошел к ней и нежно произнес:

– Не плачь... Успокойся... Судьба... Злой рок... Неужели бы я вздумал с тобой расстаться, если бы не злой рок, преследующий меня? Не горюй... Я сам погибаю...

Он протянул ей руку. Она не подала ему своей и еще больше отвернулась. Он потрепал ее по плечу и вышел из кухни.

ХП

Грустно было Пятищеву, когда он вернулся от Василисы. Расставаться ему с ней было нелегко. Нужно было делать ему над собой усилие, чтобы быть равнодушным. Если у него к ней и не было особенно теплой любви, то он все-таки привык к ней, сжился с ней за десять лет ее пребывания у него в усадьбе. Как красивая женщина, очень ласковая, когда захочет быть таковой, с задорной внешностью, она приносила ему много счастливых, приятных минут. В дни разорения его, которое шло постепенно, она попрекала Пятищева, называла его рохлей, разгильдяем, «горе-хозяином» (это были ее любимые слова), но потом и успокаивала его своей красивой улыбкой, томными взглядами, мягкими, грациозными движениями корпуса, чисто врожденными у ней, и необычайно чарующим шепотом ласкательных слов, когда начинала миловать его. Пятищев всегда таял от этого шепота. К чести ее надо сказать, имея огромное влияние на Пятищева, которого постепенно забрала в руки, она не была никогда нахальна по отношению к его семье, не лезла ей вызывающе на глаза, зная свое место, а дочь Пятищева Лидию даже жалела, что отец взял ее гостить к себе от тетки «из сытного места и всякого довольства на деревенскую голодуху», как она выражалась. Не любила она только капитана за его резкости подчас по отношению к ней, правда, большей частью заглазные, но о которых ей передавали. Ей не нравилось его игнорирование ею, как лицом, близким Пятищеву. Капитан никогда не заходил к Василисе, старался ни с чем не обращаться к ней, обходить ее при встрече, дабы не ответить на ее поклон. Зная силу своих глаз и своей улыбки, Василиса при

встрече старалась пускать в ход и улыбки и игру глаз, но и это не подействовало на капитана, и она сочла его своим врагом, хотя из любви и уважения к своему другу Пятищеву капитан никогда таковым не был. Он просто считал недостойной для Пятищева связь с Василисой и не любил вследствие этого Василису, называя ее за глаза почему-то Наядой. Эту кличку знала и старуха-княжна и тоже иногда употребляла ее.

Василиса не сразу заняла свое положение в доме Пятищева. Она уроженка посада Колтуя, находящегося в десяти верстах от Пятищевки и составляющего некоторый торговый центр для окружающих сел и деревень. Она дочь причетника, пономаря, круглая сирота, жила сначала на хлебах у священника, помогая матушке в стряпне, в хозяйстве, но некрасивая и бездетная матушка приревновала ее и выгнала вон. Василиса поступила горничной ко вдове аптекарше в посаде. Пятищев по случаю какого-то торжества у себя в имении приехал в аптеку заказать бенгальский огонь (провизор, управляющий аптекой, занимался приготовлением такового), пил чай у аптекарши и поразился красотой Василисы, прислуживавшей при этом. Василиса, недовольная своим местом, зная, что он большой барин-помещик, когда он уезжал, спросила, нет ли у него ей местечка. У него тотчас же мелькнула в голове мысль взять Василису в горничные к свояченице-княжне, и он велел приезжать ей к нему. Василиса приехала и поступила в горничные к княжне. Но горничной она была плохой, не умела чистить и разглаживать рюшки, фалборки и кружева княжны, а стала выказывать склонность больше к чистке ягод для варенья, соленью грибов, приготовлению разных заготовок впрок, которыми она занималась у матушки-попадья. К тому же и старшая горничная княжны недолюбливала ее – и Василису сделали помощницей старой экономки, жившей у Пятищевых. Тут уж она всецело отдалась заготовлению впрок разных продуктов огорода и фруктового и ягодного сада.

Пятищев с первых же дней появления Василисы в его доме начал любоваться ею, с первых же дней начали ему лезть в голову грешные мысли, но он сдерживал себя, ни щипком, ни похлопыванием по щеке, как это бывает зачастую, не давал повода показать Василисе, что она ему нравится, но никогда не мог сдержать улыбки при встрече с ней. Но случилось так, что, зайдя в фруктовый сад, он встретил там Василису. Она была одна и собирала ягоды. Он поразился ее грациозным движениям, статному стану, красивой головке, прелестным глазам. Вся кровь прилила Пятищеву в голову. Он наклонился к Василисе, присевшей к гряде с земляникой, потрепал Василису по щеке и проговорил очень глупую фразу:

– Отчего ты такая хорошенькая и миленькая?

Василиса отшатнулась и пробормотала застенчиво:

– Ох, барин, да что вы это такое!

Он подсел уже к ней, опустившись к гряде, держал ее обеими руками за мягкие плечи и продолжал:

– Нет, скажи, в самом деле?.. И ведь какая миленькая-то! Отчего?

– Оттого что такую Бог уродил, – захихикала Василиса.

Пятищев притянул ее к себе и поцеловал. Она отбивалась, но слабо.

– Приходи ко мне вечером в кабинет. Я тебе конфеток дам. Приходи, когда княжна спать уляжется, – шептал он ей, как гимназист, и обнимал ее.

– Оставьте, барин. Оставьте, ваше превосходительство. Нехорошо. Не равно кто увидит, – шептали ее губы. – Пожалуйста, оставьте. Экономка съест меня. И так-то уж все нападает.

– Никто не съест. Я всегда заступлюсь за того, кто мне нравится.

– Бросьте, барин. Ну, что ж это вы делаете!

А Пятищев покрывал ее поцелуями.

Василиса поднялась и отошла от него поодаль, вся румяная, улыбающаяся, с блестящими глазами, волнующеюся грудью, затянутою в розовый ситец ловко сшитого лифа.

Пятищев тоже поднялся и с улыбкой сатира двинулся к ней.

– Оставьте... Оставьте... Потом... Лучше уж после, – замахала она руками.

– Так придешь? Придешь? – спрашивал он, заикаясь.

Она не отвечала.

Вечером, после ужина, Василиса, крадучись на цыпочках, выходила из кабинета Пятищева и сжимала в горсти несколько конфет, а через несколько дней ее перевели из комнаты старухи-экономки в отдельную комнату. В имение ждали гостью, сестру Пятищева Екатерину Никитичну Ундольскую. Она возвращалась с вод из-за границы и должна была заехать к брату погостить, и Василису назначили находиться при ней горничной. По отъезде госты в руках ее очутилось первое подаренное ей гостьей шелковое платье, очень мало поношенное. Осенью простудилась и умерла старуха-экономка Пятищева, и Василису сделали настоящей экономкой. Она приняла в свои руки все хозяйство по дому, тогда еще довольно большое.

Пятищев не особенно баловал Василису. Он давал ей иногда мелкими суммами на наряды, делал подарки к большим праздникам, как и остальной прислуге, передал ей оставшийся после покойной жены золотой браслет, несколько недорогих колец, купил золотые часики с цепочкой и в разное время дарил по сторублевому процентному билету, объясняя значение купонов и приказывая прятать билеты на черный день. Таких билетов передавал он ей не больше как на тысячу рублей, а в последние два года разорения она и таких денег не получала.

Но надо отдать честь Василисе: она никогда ничего не вымогала у Пятищева, никогда у него ничего не требовала и выпросила только раз музыкальную машинку с русскими песнями, «какая у лавочника», которую Пятищев и купил ей в губернском городе. Она даже была оком в хозяйстве и то и дело указывала Пятищеву на хищения управляющего, садовника, дворецкого, повара, но Пятищев, как плохой хозяин, не мог остановить этого, да по своей барской халатности и не хотел.

Прислуга, разумеется, не любила Василису, не державшую себя с ней запанибрата, по приказу Пятищева величала ее Василисой Савельевной, а за глаза называла «мамушкой» и барской барыней.

В первые два года Пятищев так привязался к Василисе, что даже размышлял о женитьбе на ней, для чего стал постепенно готовить ее, развивая ее чтением и сам читал ей и рассказывал и пояснял прочитанное. Ей он об этом не объявлял, но поведал эту мысль другу своему капитану, который пришел в ужас, разбил его окончательно и доказал, как дважды два четыре, что это будет поступок прямо бессмысленный.

– Чего тебе еще, я не понимаю? Женщина живет с тобой, успокаивает твои нервы, как ты говоришь, – с тебя и довольно, – вразумлял капитан Пятищева. – Еще если бы у тебя от нее дети были – ну, дать детям имя – тогда имело бы смысл. А детей нет, так с какой же это стати из простой бабы генеральшу делать? Брось. Вспомни, что у тебя дочь в институте.

И бесхарактерный Пятищев перестал думать о женитьбе. Мало-помалу он охладевал к Василисе, хотя до последнего времени не прерывал с ней связь. С приездом к нему дочери он переселил Василису из большого дома в пустовавший домик управляющего и стал реже видаться с ней, делая это украдкой. Она, видя полное разорение Пятищева, тоже делалась равнодушной к нему и не настаивала на свиданиях, не зазывала его к себе, хотя делала вид, что сердится за его редкие посещения. Но Пятищев все-таки боялся, боялся, что она сделает скандал в усадьбе, когда он объявит об окончательном разрыве с ней и потребует выселения из усадьбы. Но все обошлось тихо, чего Пятищев совсем уже не ожидал. Весть о разрыве с ним Василиса приняла, на его взгляд, так холодно, что ему сделалось даже грустно, обидно. Но еще обиднее были Пятищеву похвалы, расточаемые Василисой Лифанову, и ее намерения остаться на житье в усадьбе при Лифанове. Пятищева уже начал точить червь ревности.

ХІІІ

Пятищев вошел в столовую. Его уже ждали к ужину. Маленькие стенные часишки, заменившие проданные уже большие столовые часы, от которых осталось еще на стене большое светлое пятно, показывали почти девять. У стола сидел капитан и мешал в салатнике винегрет из картофеля, свеклы, селедки, луку и соленых грибов. Лежали в проволочной никелированной дешевенькой корзинке ломти нарезанного черного и белого ситного хлеба. Против капитана помещалась Лидия и прикусывала ситный хлеб, запивая его молоком из стакана.

– Сегодня прованского оливкового масла нет, все вышло, и винегрет я уже делаю с подсолнечным маслом, – сказал капитан вошедшему Пятищеву. – Уж как-нибудь поедем... Я-то ничего... люблю это масло, а вон барышня уж отказывается, – кивнул он на Лидию. – На днях получу пенсию – куплю...

– Я ни с каким маслом такого месива не могу есть, – брезгливо отвечала девушка и сделала гримасу.

– Тут ведь, барышня, прекрасные маринованные белые грибы. У нас их остался изрядный запас. Ты выносишь простое масло, Лев?

– Попробую... – сказал Пятищев, перекрестился на икону, висевшую в углу, и сел к столу. – Но ведь, я думаю, и кроме винегрета у нас что-нибудь есть? – спросил он.

– Манная каша на молоке, картофель в мундире. Манную кашу я для княжны заказал.

– Картофель я люблю, – проговорила Лидия, – но ведь у нас сливочного масла нет.

Пятищев нахмурился.

– Пошли Марфу к Василисе спросить немножко масла, – обратился он к капитану. – Вчера я видел, как она сидела у окна и сбивала масло в бутылке.

– Давно уже, поди, слопала. Это она для себя.

– Оставьте. Не надо мне масла. Я поем ситного с молоком и манной каши. С меня будет довольно, – заявила Лидия. – Баранки есть. Их погрызу.

– Пошли же! – раздраженно крикнул Пятищев и позвонил в электрический звонок, висевший в виде груши около лампы над столом. – Масло должно быть. Молоко подают снятое. Куда же сливки-то деваются?

– Да ведь Василиса по пяти раз на дню кофей со сливками пьет, – пробормотал капитан.

– Брось! Оставь! Не люблю я этого! Пощади...

Пятищев совсем сморщился. У него подступали даже слезы, и что-то судорожное сжало горло.

Пришла Марфа, ступая босыми ногами.

– Сходи сейчас к Василисе Савельевне и спроси, нет ли у ней немножко сливочного масла, – отдал ей приказ Пятищев.

– Уверяю вас, папа, что с меня и манной каши довольно.

– И манную кашу надо есть с маслом. Где же княжна? Звали княжну? – спросил Пятищев.

– Она у печки греется, – дала ответ Лидия. – Иван Лукич ее звал.

– Потрясена. Все нервы у ней расшатаны. Плачет, как ребенок, – заметил капитан. – Но обещала выйти к столу.

Послышались удары о паркет когтей бегущего мопса и шлепанье туфель княжны. Кряхтя и охая, она вошла в столовую и внесла с собою сильный запах камфоры.

– Я только манной кашки, – заявила она, присаживаясь ко столу. – Ох, напьюсь на ночь малины и лягу.

Капитан достал из буфета бутылку с водкой, налил себе в изрядный серебряный стаканчик, а Пятищеву в маленькую рюмку. Они оба выпили и принялись есть винегрет.

– Недурно, очень недурно, – бормотал Пятищев, хотя слегка и морщился. – Я не ожидал этого от подсолнечного масла. Но мне кажется, этот винегрет был бы вкуснее со сметаной, уксусом и протертым яичным желтком. Помнишь, Иван Лукич, как ты делал однажды винегрет из солонины?

– Да ведь и сметаны, и яиц нет, – отвечал капитан. – Вот на будущей неделе получу пенсию, поеду в Колтуй и куплю прованского масла, говядины, солонины, яиц, масла сливочного...

Вернулась Марфа и принесла маленький кусочек масла на блюдечке.

– Дала... Вот масло... Но ругается, – сообщила она. – «Это, – говорит, – ты, глазастый черт, подглядела, что я масло била». «Не я, – говорю, – а сам барин».

– Уходи, Марфа, уходи! Не люблю я этого! – махнул ей рукой Пятищев. – Подавай теперь скорей на стол картофель и манную кашу. Подавай все сразу.

Марфа удалилась в кухню и принесла картофель и манную кашу.

– У нас сморчки есть. Нашел Левкей в нашем парке сморчков, но их жарить не в чем. Масла нет, – сообщила она, уходя.

– Привезу я масла, на будущей неделе привезу... – опять сказал капитан ей вслед.

Княжна стала накладывать себе на тарелку манной каши. Лидия взяла большую картофелину и стала чистить ее, придвинув к себе блюдечко с маслом.

Все ели молча. Пятищев собирался объявить княжне о завтрашнем переселении в дом управляющего, а также сообщить и о плане их дальнейшей жизни, предварительно слагая в голове фразы, которые могли бы не раздражить княжну, но вдруг княжна произнесла, обращаясь к капитану:

– Курочку бы, Иван Лукич... Поедете в посад, так курочку купите. Куриный суп с манной крупой обожаю... Да и для Бобки... Бедный песик так давно косточек не получал. Купите, пожалуйста...

– Куплю, куплю... – кивнул капитан. – Курицу можно купить и на деревне.

– Лучше же цыплята. Цыплята, жаренные в сухарях, – прелесть! – поправила Лидия. – Цыплята ведь, я думаю, дешевле... Они маленькие...

– Можно и цыплят, – согласился капитан. – Да надо поискать там какой-нибудь рыбы. Давно мы рыбы не ели. Ты, Лев, ведь любитель рыбы.

– Я не знаю, отчего у нас не ловят карасей? – сказал Пятищев. – Ведь у нас караси есть в пруду.

– Некому ловить. Да и жарить не в чем. Масла нет. Вот куплю масла...

– Можно бы на уху... Уха из карасей – прелесть. Ведь свое... В доме есть... В своем пруду...

– В самом деле, надо половить карасей. Вот я завтра... – вызвался капитан. – Их как-то на творог ловят.

– Научите, Иван Лукич, меня, как ловить карасей. Я буду ловить, – сказала Лидия, прожевывая картофель.

– Зачем же ты будешь ловить? – возразил ей отец. – Я заставлю Левкея. Он знает, как ловить.

Капитан улыбнулся.

– Поговори-ка с Левкеем! Он теперь от всего отказывается. «Мне, – говорит, – жалованье за три месяца не заплачено».

– Ах, как люди неблагодарны! – вздохнул Пятищев. – Ведь я же еще на прошлой неделе подарил ему мои болотные сапоги, жилет ему недавно отдал.

– Ну, уж ты Левкея оставь в покое. Я сам завтра с Лидией Львовной половлю карасей. Надо у Василисы спросить, как это ловят карасей. Она часто их ловит и ест, – сказал капитан. – Надо действительно немного поразнообразить еду. А то картофель да картофель. А ты, Лев,

вот что... Ты сделай воздействие на Василису, чтобы она масло-то не припрятывала, так тогда можно и поджарить этих карасей. Положим, у нас одна корова. Но для Василисы самой масло-то всегда есть. А насчет карасей я завтра займусь... Я половлю...

– И я с вами, Иван Лукич, и я!.. – весело проговорила Лидия.

Пятищев опять нахмурился, потер ладонью лоб, лысину, тяжело вздохнул и произнес:

– Ничего ты завтра не поделаешь с карасями... Завтра страшная ломка... Мы должны переезжать... переселяться в дом управляющего.

Княжна, услышав это, затрясла головой.

– Как завтра? Как переезжать? Как в дом управляющего? – заговорила она, заикаясь от волнения.

XIV

– Успокойся, княжна... Надо мужаться... Мужества... немного мужества, – проговорил Пятищев, и сам слезливо моргая глазами. – Следует подготовиться... следует ко всему быть готову. Это крест... и надо с покорностью нести свой крест. Больше уж медлить нельзя, и завтра мы очищаем дом для Лифанова. Но сначала мы переселяемся на неделю в домик управляющего...

– Но какое он имеет право! Где же справедливость – выгонять дворянина из его родового гнезда! – воскликнула княжна, и слезы градом хлынули из ее старческих красных воспаленных глаз.

– Лидия Львовна, сходите к княжне в комнату за спиртом... – заботливо проговорил капитан и стал предлагать княжне выпить воды, которую быстро налил в стакан.

Он и сам трясся. Руки его ходили ходуном.

Явился спирт. Княжне дали его понюхать. Произошла пауза. Княжна тяжело дышала и прикладывала носовой платок к глазам. Пятищев снимал кожуру с большой картофелины. Через несколько минут он начал опять:

– Но как ни трудно мне, как ни жалко мне тебя, княжна, я все-таки должен говорить.

– Оставь, Лев... Лучше завтра... завтра поутру, – перебил его капитан. – Утром у княжны и нервы бывают крепче, и сама она свежее. Утром лучше.

– Утром уже мы должны переноситься в дом управляющего. Сначала выберется оттуда Василиса в домик садовника, а затем мы въедем на ее место. Мы заберем с собой все, что нам осталось, и переберемся туда на неделю...

Княжна начала всхлипывать. Сцена была тяжелая. Капитан опять бросился к княжне с флаконом спирта. Лидия поднялась из-за стола и стояла около нее со стаканом воды в руке.

– Княжна, бога ради! Не будь ребенком. Надо хоть сколько-нибудь быть женщиной! – взывал к ней Пятищев. – Выпей глоток воды и выслушай меня... Должен же я сказать... должен же я объявить план предстоящей нам жизни. Тут судьба... Бесспорно, злой рок, а потому ему надо подчиниться. Ну что, успокоилась немножко? – спросил он ее, когда она сделала глоток воды и отняла платок от глаз.

– Бобку-то только покормите... Не могу я уж сама... Дайте ему кашки... Он любит кашу... – заговорила она вместо ответа на вопрос.

– Покормлю, ваше сиятельство, покормлю. Я сам его покормлю... – отозвался капитан, почему-то вдруг вздумав величать княжну сиятельством. – Не волнуйтесь только... Мы проживем отлично, даже лучше, чем здесь.

– Но перейдем мы в дом управляющего только на неделю, – продолжал Пятищев. – Так я обещал Лифанову, даже дал ему слово.

Княжна опять всхлинула. Капитан снова потянулся к ней с флаконом спирта и огрызнулся на Пятищева:

– Не упоминай ты только имени этого мерзавца, бога ради! Княжна не может слышать его фамилии. Ведь можно же говорить и так.

Пятищев вертел в руке вилку и соображал, как ему говорить мягче.

– Но в доме управляющего мы останемся только одну неделю, – сказал он. – В течение этого времени мы должны найти себе какое-нибудь другое помещение и выселиться из усадьбы. Не знаю, понравится ли вам мой план относительно вас, но я после долгого обсуждения решил, что он не худ. Впрочем, как хотите... Я не насилую вас. Вы можете видоизменять мой план, можете совсем с ним не согласиться. Меня самого тут дело не касается. О себе я решил. Решил о Лидии. Но дело идет о княжне и Иване Лукиче...

– Я поеду в Петербург к тете. Я уж писала ей... – перебила отца Лидия. – Потом буду искать место гувернантки...

– Пятищева и гувернантка! Что ты говоришь, милая! Опомнись!.. – воскликнула княжна и снова вся затряслась, блеснув на мгновение старческими поблекшими глазами.

– Не допустит ее тетка до этого! – проговорил Пятищев. – Она женщина со средствами.

– Да, папа, но ведь у ней свои две дочери. Нет, мне нужно или идти в гувернантки, или искать уроков, или проситься в институт преподавательницей к малышам... – твердо стояла на своем Лидия и прибавила: – Ты ведь не знаешь, ты ведь не видал, какие подчас у нее ко мне отношения были. Она не высказывала, но тяготилась мной. Я это замечала.

– Ну, оставим это. Ты дело решенное. Ты куда поедешь к тетке, будешь под ее присмотром, и я о тебе относительно спокоен, – перебил дочь Пятищев. – Моя судьба также решена. Я за границу...

– Лев, на какие средства за границу?! Что ты говоришь! – всплеснула руками княжна.

– Средства, княжна, найдутся. Но об этом потом. Я потом сообщу о себе, как и что я предполагаю. Но теперь о тебе и о капитане... Мне кажется, княжна, вам не следует разлучаться. Капитан с рыцарским характером и может быть тебе подпорой. Правду я говорю, Иван Лукич?

Капитан саркастически улыбался и теребил усы. Пятищев продолжал:

– На первых порах вы наймете себе квартиру комнатки в три в Колтуе, возьмете себе в прислуги Марфу и будете жить своим хозяйством припеваючи. У вас две пенсии. У тебя, княжна, и у Ивана Лукича. Обстановка у вас для маленькой квартирki приличная. Вы перевезетесь туда, и вам там будет отлично. Марфа заведет вам кур. Возьмете туда и нашу корову. Она наша. Живого инвентаря мы Лифанову не передаем. Простите за Лифанова... На язык подвернулся, – прибавил Пятищев.

Пятищев высказался и вопросительно смотрел то на княжну, то на капитана.

Капитан пощипал свои усы и буркнул:

– Вздор городишь!

– То есть как это? Отчего? Почему? – испуганно спрашивал Пятищев. – А ты что скажешь, княжна?

– Трижды вздор... – продолжал капитан. – Не относительно того вздор, чтобы нам не разлучаться, мы и не разлучимся, но относительно тебя самого. Какая такая заграница? На какие щепки ты выедешь? Но допустим, что у тебя найдутся гроши, чтобы удрать из России, но на что ты там будешь жить? Голодать на чужой стороне?

– Я в Италию, в глухой городишко. Там дешевизна баснословная. Наши художники живут за два гроша.

– Живут, но все-таки работают. А ты что такое? Художник? Скульптор? Картины будешь писать? Да и художники голодают. Им надо там голодать. Они учатся, во имя искусства голодают. А ты с какой стати будешь голодать? Да даже и не голодать, а прямо придется или умереть с голоду, или нищенствовать, – продолжал разбивать капитан. – Что ты умеешь, чтоб

заработать хоть на макароны? Ничего не умеешь. Ты барин, всегда был барином, барином и останешься.

– Позволь... Но я продам кабинет, кое-какие другие вещи, двух рабочих лошадей, которые у меня на конюшне, – перебил его Пятищев. – У меня скопится кое-какая сумма!

– А потом? Когда проживешь эту сумму? Ну, ее хватит на месяц, на два, чтобы питаться одними макаронами. А потом? Сестра Катерина Никитична помогать будет, что ли? Не больно-то она тебе помогает. Ну, прислала с Лидией пятьдесят рублей займа – вот и все.

Пятищев покраснел, взглянул на Лидию и пробормотал:

– Это она не займа, а на обратный проезд Лидии в Петербург.

– Ну, вот видишь. А ты просил у нее.

– Я просил у нее тысячу рублей. Давно это было.

– А она не дала. Еще того лучше.

– Сумма была велика. У ней не было тогда такой суммы.

– Пустяки. Выкинь ты свою границу из головы. Я, княжна и ты переедем в наш посад Колтуй и будем жить втроем на две пенсии. И никакого ты кабинета продавать не будешь. Надо же жить в какой-нибудь обстановке, – закончил капитан.

Он был разгорячившись. Придвинул к себе графин воды, налил в стакан и выпил залпом.

Произошла пауза.

– Но ведь это значило бы объедать вас... – пробормотал Пятищев. – Здесь я даю вам все-таки помещение, у меня остались еще кое-какие продукты для стола. А там?

– Где двое сыты, там и третий будет сыт, – отвечал капитан.

– Хорошо, на первых порах я перееду к вам... – произнес Пятищев. – Но потом я все-таки...

– А что будет потом – впоследствии видно будет. Так и запишем, так и решим.

– Постой... Но я еще не получил ответа от княжны. Она еще не высказалась.

– Княжна будет согласна. Видишь, ей трудно говорить.

– Княжна, ты согласна с моим планом относительно тебя? – все-таки допытывался ответа

Пятищев и вопросительно смотрел на княжну.

Княжна моргала усиленно глазами и шевелила губами.

– Да, да... – еле могла она выговорить и истерически разрыдалась.

– Доконал-таки! Опять доконал! – воскликнул капитан, бросаясь к ней с флаконом спирта. – Идите, княжна, в вашу комнатку, идите, матушка Ольга Петровна. Успокойтесь... Там ляжете, и будет вам легче... – говорил он нежно и вместе с Лидией повел княжну из столовой.

– Бобку накормить... – вдруг вспомнила княжна на пороге среди рыданий, увидав мопса.

– Накормлю, накормлю, княжна. Не беспокойтесь. В вашу же комнату принесу ему остатки манной каши на тарелочке, – отвечал капитан, поддерживая ее под локоть.

XV

На другой день утром Пятищев, встававший всегда очень поздно, часу в одиннадцатом, на этот раз проснулся в восемь и уж к девяти часам справил свой туалет – пробрил себе подбородок, умылся, причесался, вытерся одеколоном с водой, что делал обыкновенно каждое утро.

Первою его мыслью было переселение из барского дома в дом управляющего. Еще не пивши утреннего кофе, он вышел на террасу, представлявшую из себя портик с колоннами, выходящую на двор, и стал кликать Левкея, но Левкей не показывался. Из-за угла вышел капитан, встававший всегда рано, часов в семь, и несказанно удивился, увидев Пятищева на ногах и даже без туфель, а в сапогах.

– Чего это ты спозаранку?... – спросил он и прибавил: – Здравствуй.

– Да ведь переезжать надо. Кричу Левкея и не могу докричаться, – отвечал Пятищев, приложившись рукой к феске, и пожал капитану руку.

– Левкей перетаскивает мебелишку Василисы в домик садовника. Там с ним и мужик из деревни. Таскают двое.

– Вот и прекрасно. Молодец Василиса! Этот мужик потом и нам поможет перенестись. Но нам мало одного. У нас есть большие вещи. Двоим не поднять, – говорил Пятищев. – Я затем и кликал Левкея, чтобы он пригласил людей с деревни. Человека три, что ли. Ну, четыре.

– Зачем же роскошествовать? – упрекнул его капитан. – Чем мы платить им будем? У тебя денег ни копейки, у меня всего двугривенный, да и у княжны не завалило. Вряд ли рубль найдется. Левкей перетащит нашу мебелишку и с одним мужиком. Ну, я им помогу, Марфа подсобит.

– Да уж хотелось мне, чтобы все это поскорее и чтобы переехать и не думать. Вон из головы... А мужикам потом заплатим. Ну, дадим им твой двугривенный на чай покуда. Пойдем к Левкею. Распорядимся.

Пятищев сошел с террасы и направился к домику управляющего. День был прекрасный, ясный. Ласково светило весеннее солнце, радостно чирикали птички на голых еще, кое-где с набухшими еще только и кое-где распускающимися почками деревьях и кустарниках. Вдали меланхолично куковала кукушка. Капитан следовал сзади.

– Пробовал сейчас ловить карасей, но безуспешно, – сказал капитан. – Должно быть, выловили их.

– Да уж сегодня какие же караси! – отвечал Пятищев.

– Нет, я сейчас на удочку. А потом перед ужином попробую на творог... Надо положить творогу в корзинку, завязать тряпицей и сделать дырку. А корзинку опустить в воду. Ах, как неудобно затеял ты сегодня эту переездку! Денег у нас совсем нет...

– Ничего. Мужики подождут. Завтра я предложу Лифанову купить у меня что-нибудь. Ну, хоть барометр, что ли!

– Да не в мужиках дело. Прежде всего, надо Марфе дать сколько-нибудь на хлеб. Ведь в лавочке в долг больше не отпускают.

– Боже мой, да ведь вчера говорили, что лавочнику за долг какой-то хлам на дрова отдали! – воскликнул Пятищев.

– Ничего не знаю. Но княжна и вчера давала Марфе тридцать копеек на хлеб. Ты ведь ни во что не входишь, ты так мало обращаешь внимания на все.

– Не попрекай! Пожалуйста, не попрекай! – раздраженно проговорил Пятищев. – Я покоя себе не знаю с этой переездкой, так можно, я думаю, мне простить. Эта переездка избуравила у меня всю голову. Я ночь сегодня не спал. Десять раз просыпался. Но если нужно на хлеб, я сейчас могу занять у Василисы рубль. Завтра продам Лифанову барометр и возвращу ей.

– Да придется занять, если у княжны не найдется денег. Пенсию-то когда она получила?

– Ну, и займу рубль. О чем разговаривать! Ах, как вы меня изводите! Еще у меня нервы крепки. Право, крепки.

– Ты скажи Василисе, чтоб она масла-то дала сегодня к обеду. Тогда сморчки можно изжарить.

– И скажу, непременно скажу. А нет, так купите на этот вот рубль, что я у ней займу.

– Зачем же покупать, если у ней имеется масло.

– Бог мой! Да ведь надо же ей самой что-нибудь есть! – закричал Пятищев.

Разговаривая таким образом, они дошли до домика управляющего.

В открытом окне совсем уже пустой комнаты, стоя на табурете, виднелась Василиса. Голова ее была покрыта ситцевым платком, сама она была с засученными по локоть рукавами старенького ситцевого платья, в пестрядинном переднике и снимала с окошка занавески.

– Почти уж переехала я! – закричала она, увидя Пятищева. – Сокол с места, ворона на место... Через полчаса можете и вы вноситься сюда, ваше превосходительство. Впрочем, в хлопотах-то я и забыла с вами поздороваться. Здравствуйте. Сейчас занавески сниму, и готово. С чердака только надо кое-что вынести. Из столовенькой стол я не беру. Он здесь останется. Велик уж очень для той-то квартиры.

В это время на крыльце показались Левкей с кривым косматым мужиком. Они выносили большой окованный железом сундук Василисы.

– Скоро ты, скоро, Василиса Савельевна. Вот что значит расторопная-то женщина! – похвалил ее Пятищев и, обратясь к Левкею, сказал: – Кончите все переносить, так нашу кое-какую мебель надо сюда внести. Ты уж, Левкей, пожалуйста... Вот и этот земляк подсобит. Да следовало бы еще прихватить кой-кого с деревни в подмогу. У нас есть вещи тяжелые.

– Прихватим, – отвечал Левкей, кряхтя. – Тут у нас Сергей Калинов приехал за навозом. Навоз обирает под ярицу. Так вот он за наш навоз и поможет.

– А не мало будет? – усомнился Пятищев.

– На лошади ведь перевозить будем, так втроем сможем, барин. Тут место от вас не близкое, на руках носить невозможно, – проговорил кривой мужик, снял шапку и поклонился, прибавив: – Только уж позвольте, барин, мне пяток кустиков черной смородины из сада выкопать. Все равно она у вас ни за что купцу достанется.

– Бери, бери. Пожалуйста, бери. Я даже очень рад, если крестьяне чем-нибудь воспользуются. Можешь даже две-три молодые яблони себе выкопать.

– Благодарим покорно, барин, уж мы за это вам постараемся.

Сундук поставили на землю. Левкей отер рукавом нос и тоже приступил с просьбой.

– Дозвольте уж и мне, ваше превосходительство, за мою службу пяточек яблонь выкопать, – сказал он, сняв свою военную фуражку. – Я их лавочнику бы продал. Он просил. А у купца они все равно не считаны.

– Да бери. Мне их уж теперь не надо.

– Ну, так я лавочнику и яблонек, и смородины. Очень вам благодарен, барин. Надо все это сегодня, до купца сделать. Да просил еще лавочник насчет пчел... Я бы, говорит, по два рубля за улей... А у нас их пять колодок. У купца они тоже не считаны. Он даже не знает, есть ли у нас пчелы.

Пятищев переглянулся с капитаном.

– Да конечно же, надо продать! – воскликнул тот. – С какой стати отдавать ульи купцу, если их нет в инвентаре! Нет в инвентаре, так, стало быть, он их не покупал.

Пятищев даже просиял, что у него нашелся не считанный предмет, который может быть продан.

– Так отдай. Отдай, Левкей, их лавочнику, – заговорил он. – Пять ульев по два рубля – десять рублей. Это деньги. Пять рублей можешь взять себе, в счет жалованья.

– Спасибо, ваше превосходительство, за неоставление, – еще раз поклонился Левкей. – Так я, значит, сегодня, как стемнеет, и перевезу к лавочнику. Вот поди ж ты, совсем забыли об этом добре, а ведь оно деньги... – прибавил он и, подняв вместе с мужиком сундук, понес его.

В это время из домика показалась Василиса и подошла к Пятищеву, косясь на капитана.

– Подите-ка сюда на минутку, Лев Никитич, – тихо сказала она, отводя его в сторону. – Зачем же это вы пчел-то продаете?

– Василиса Савельевна, они мои. А я... Перед тобой нечего скрывать... А я без гроша... – несколько покраснев, отвечал Пятищев. – Самому же мне они теперь зачем?

– Оставьте мне тогда хоть две колодочки. Все-таки хоть чайку с медком попить на Спасов день.

– Тебе? Да ведь ты здесь не останешься?

– А почему знать! Ничего еще не известно.

Василиса лукаво подмигнула.

– Да возьми, возьми... – заговорил Пятищев. – Но мне странно, что тебе понадобились пчелы.

– Ну, спасибо. Вам денег, что ли, нужно? – спросила она участливо. – Говорите, что без гроша. Как же быть без денег, если в лавке не верят! Возьмите рублик или два.

– С удовольствием, милая, но только займы. Дай два рубля. Завтра я их тебе отдам. А пчел я тебе дарю, дарю их, – сказал Пятищев, повеселев, и тотчас же крикнул Левкею: – Левкей! Лавочнику свезешь только три колодки пчел! Две я подарил Василисе Савельевне.

Василиса взглянула на него своим красивым взглядом и произнесла:

– А два рубля я вам сейчас...

Она удалилась в комнаты и тотчас же вернулась оттуда, держа деньги в руке.

– Вот вам... – сунула она ему в руку два серебряных рубля и тут же прибавила: – Послушайте... Только вся эта мебель, которая теперь у меня, так я ее буду считать своей.

– Конечно, конечно... Пожалуйста... – смущенно проговорил Пятищев, опуская деньги в карман, и отошел к капитану.

– Совершил заем? – спросил у него тот.

– Да. До завтра. Но за то подарил ей два улья пчел.

– Напрасно. Насчет масла сказал?

– Сказал, – отвечал Пятищев и соврал.

XVI

Кабинет Пятищева начали перевозить перед обедом. Семья Пятищева в последнее время полного разорения обедала в час дня, и часто все звали этот обед, по старой привычке, завтраком, так как прежде, при поваре, в эти часы бывал завтрак, а обед подавали в семь часов вечера. Пятищев и не ожидал, какое затруднение представит перемещение кабинета в домик управляющего. Книжные шкафы нельзя было поднять вместе с книгами, и книги пришлось перевозить отдельно в бельевых корзинках. Большое затруднение представлял и письменный стол на шкафчиках, в которых помещались разные бумаги, накопившиеся за несколько десятков лет. Тут были дневники Пятищева, которые он вел в молодости, записки его деда, письма, когда-то полученные его дедом, карандашные виды лучших уголков имения, сделанные с натуры его матерью, и много, много ненужных бумаг, совершенно лишних для сохранения. Приходно-расходные книги по имению, тоже за десятки лет, помещались в ящиках под оттоманкой. Их также нужно было вынуть, чтобы перевезти оттоманку. Пришлось разбирать и старинное бюро на жиденьких четырехугольных ножках с бронзовыми башмачками, со множеством шкафчиков и ящичков с изображением на дверцах врезанных мальтийских крестов из черного дерева. Шкафчики были наполнены аптекарскими травами, банками с лекарством для подачи первой помощи, пакетиками с образцами овса, ржи, проса, гречихи и пшеницы. Шкафчики также пришлось снимать со штифтов. С перевозкой возились Левкей, два мужика из деревни, Марфа и капитан. Помогал и сам Пятищев, но разбил бутылку с вонючим маслом оленьего рога, предохраняющим скот от оводов, несколько стекол в рамках фотографий и оставил, чувствуя себя совсем неспособным к этому. У него тряслись руки и заплетались ноги.

Под кабинет выбрали самую большую комнату в домике управляющего, ту, где находилась спальня Василисы, но и туда не вошла вся мебель кабинета. Несколько кресел пришлось втащить на чердак. Высокие книжные шкафы упирались в потолок низкой комнаты, и на них нельзя уже было поставить бронзовых бюстиков русских писателей-классиков, которые стояли на шкафах раньше. Книги так и остались в корзинах, а половину их сложили в углу на полу. Оттоманка заняла вторую стену, и кровать пришлось поставить у третьей стены так, что она заняла одну створку двери. Навесили тяжелые зеленые триповые драпировки к окнам на

имевшиеся крючья, а занавески эти своими концами легли аршина на полтора на пол. Было так тесно, как в мебельной лавке. Бюро, вставшее в простенок между окнами, загородило добрую треть окон, до того узок был простенок. На стульях лежали рамки с фотографиями, на подоконниках стояли бюстики. Мольберту с большим портретом жены Пятищева совсем не было места.

Пятищев вошел в комнату вместе с капитаном, и им еле можно было повернуться. Сердце Пятищева болезненно сжалось, и он даже смахнул слезу с глаза, выступившую на ресницы. Капитан заметил это и сказал ему в утешение:

– Ну, как-нибудь покуда. В тесноте да не в обиде... К тому же ты ведь говоришь, что только на неделю... Не следовало въезжать сюда... Надо было прямо ехать в Колтуй. Найти там квартиру и ехать... – прибавил он.

– Нет, я за границу!.. Я должен удалиться хоть как-нибудь за границу! – воскликнул почти с воплем Пятищев. – Мне нельзя жить в этой обстановке. Я не могу... Я не в силах! Это все будет напоминать мне, раздражать меня, и я могу сойти с ума!

– Какие пустяки... Какой вздор... А ты смирись, и отлично dokonчим мы свои дни в Колтуе, – утешал его капитан. – А вот я, когда вспомню, как я жил в землянке, во время турецкой войны, так все это мне раем кажется. Смирись.

– Да уж и так смирился, но чего же больше-то! – проговорил Пятищев и вышел из домика.

Пообедала семья Пятищева только молочным супом с вермишелью, да был, как всегда в последнее время, картофель в мундире. Из лавки вместе с хлебом на деньги, взятые у Василисы, были принесены кусок баранины и масло, но Марфе некогда было стряпать. Она помогала переносить вещи Пятищева в дом управляющего. Капитан и тут утешал семью и говорил:

– Зато уж у нас сегодня на новоселье будет лукулловский ужин. В корзинку с творогом попало более десяти довольно крупных карасей-дураков. Будет уха из карасей и жареная баранина со сморчками.

Когда обед кончился, Пятищев, стараясь быть как можно мягче, сказал княжне:

– Ну, княжна, теперь уж не прогневайся. Сейчас придется тебя с твоим Бобочкой перевозить в новое помещение. Комнатка там у тебя маленькая, но очень приветливая. Ты ведь знаешь этот домик? Там у управляющего детская была... Окна в садик... Под окном бузина... Она уж распускается.

Княжна затрясла головой, слезливо заморгала глазами и молчала.

– Всей вашей обстановке, княжна, там не поместиться, – начал капитан. – Кое-что мы поставим на чердак.

Но ведь это только на время, Ольга Петровна, только на время, всего на одну неделю, а уж в Колтуе мы постараемся нанять квартирку на отличку. Для вас даже две комнатки. Лучше уж на чем-нибудь другом сжаться, а только чтобы вам было хорошо.

Княжна отвернулась от капитана, взяла на руки мопса и глухим голосом произнесла:

– Не выеду я отсюда... Никогда не выеду!

– Княжна, этого невозможно сделать... – подступил к ней Пятищев. – Я дал слово. Этот человек ненавистен тебе, я не называю его имени, но я дал ему честное слово.

– Это ты дал, а не я. А я не выеду. Не выеду! Пусть меня силой вышвырнет он.

– Но что же хорошего, княжна, если силой? Лучше же без скандала. К тому же это неизбежно. Подумай... Ведь худой мир лучше доброй ссоры.

– С места не двинусь! – упрямылась княжна, пошла к себе в комнату и легла на постель, положив рядом с собой мопса.

– Что мне с ней делать! – почти с отчаянием обратился Пятищев к капитану.

– И ума не приложу, – развел руками капитан. – Пусть покуда переносят мои вещи. А княжна пусть полежит. Может быть, когда она успокоится, то можно будет и приступить.

Стали выносить вещи капитана. Его подвижность была невелика: складная кровать с жиденьким тюфячком, две подушки, чемодан с бельем, стенной ковер, ружье и старые турецкие пистолеты с кремнями. Перемещено это было скоро. У Лидии была только постель. Ее решили поместить в комнатке, предназначенной для столовой, за ширмами. Марфа с кухонной посудой тоже перебралась в кухню домика управляющего.

Пришлось опять приступить к княжне. Пятищев и капитан осторожно вошли к ней в комнату.

Княжна по-прежнему лежала на постели, обернувшись к стене. В соседней комнате стояли Левкей и два мужика.

– Княжна, мы тебя саму не потревожим сегодня, – начал Пятищев. – Ты переночуешь здесь, а капитан ляжет в диванной комнате, рядом, но позволь взять сейчас кое-какие громоздкие предметы: твой гардеробный шкаф, кушетку, трюмо.

Княжна не отвечала.

– Княжна! Ты спишь? – задал вопрос Пятищев. – Не испугайся, если войдут люди и возьмут кое-какие вещи.

Княжна, все еще лежавшая, отвернувшись к стене, сделала несколько конвульсивных движений телом. Уткнувшийся в ее платье мопс заворчал.

– Княжна! Голубушка! Если не спишь, то позволь взять кое-какие вещи, – повторил свой оклик Пятищев.

– Делай что хочешь, но с постели я подняться не могу... – проговорила она.

– Берите шкаф... – обратился капитан шепотом к людям. – Его можно перенести с платьем. Пойдите. Нет ли там чего-нибудь такого, что может разбиться? – прибавил он, отпер шкаф, посмотрел и сказал: – Ничего нет. Тащите осторожнее.

Три мужика стали выносить большой шкаф.

С княжной сделалась снова истерика.

Пятищев ломал руки и вопиял в другой комнате:

– Что мне с ней делать! Как ее переселять?!

Капитан и Лидия сутились около княжны с флаконом спирта и со стаканом воды.

– Накапайте ей валерьяновых капель в воду, Лидия Львовна, – говорил капитан.

– Позвольте, ваше благородие, мы уже сразу и трюмо вынесем, и кушетку, чтоб их не беспокоить, – сказал Левкей.

Стали выносить большое трюмо и кушетку.

XVII

Пятищев и капитан ужинали уже на новоселье, в домике управляющего, но княжне, Лидии и мопсу носили еду в большой дом. Княжна как легла после обеда, так и не поднималась. Оставить ее одну было нельзя, и Лидия сидела в ее комнате и читала. Из комнаты княжны сегодня могли вынести только гардеробный шкаф и большое трюмо. Ужин сегодня у Пятищева, благодаря займу, был такой, какого уже давно не было. Марфа подала уху из карасей, жареную баранину со сморчками в сметане и все-таки неизбежный картофель в мундире. Из кухоньки, находящейся бок о бок с жилыми комнатами, вкусно пахло подгорелым маслом и вообще запахом еды, было сухо и тепло в комнатах. Подавая на стол еду, Марфа сказала:

– Да здесь-то как будто и лучше, жilee. Там-то из кухни идешь, идешь по коридору с едой, словно на богомолье идешь, все у тебя по дороге остынет, а здесь все под рукой.

Но Пятищев грустил о своем старом гнезде, был с капитаном неразговорчив и ел мало. Как бы тяжелый гнет лег на его сердце после переезда в домик управляющего. Теперь уже он чувствовал, что все кончено, что уж ни к чему прежнему ему не вернуться. За ним пропасть. И это угнетало его.

После ужина Пятищев и капитан отправились к княжне. Она лежала по-прежнему. Лидия читала ей молитвенник, прочитывая из книги в старом малиновом бархатном переплете с бронзовыми застежками те молитвы, которые княжна привыкла читать перед иконами на ночь. В киоте у образов горела лампада с цветными закраинами. До кушанья княжна не дотрагивалась, и поели только Лидия и мопс. Последний кряхтел, лежа около своей хозяйки, уткнувшись в складки ее платья.

– Ну, как ты себя чувствуешь, княжна? – спросил ее Пятищев.

– Совсем нехорошо. Мне кажется, что я не переживу... этого, – отвечала она слабым голосом, не пояснив, чего именно.

– А между тем, друг мой, завтра тебе отсюда выехать необходимо.

Княжна промолчала.

Лидию сменил капитан. Он надел халат, закурил трубку и лег на диван в диванную комнату, находившуюся рядом с комнатой княжны. Марфа собрала из комнаты княжны посуду с остатками еды, положила к ногам княжны бутылку с кипятком и ушла. Ушла и Лидия вместе с ней к себе на новоселье. Пятищев с четверть часа ходил по диванной мимо лежавшего капитана и рассказывал ему про заграничную жизнь в маленьких городках, мечтаний о которой все еще не оставил.

– Ты очень хорошо знаешь, что мне все эти места как свои пять пальцев знакомы, – говорил он, пыхтя папиросой. – В Италии я был три раза. Весь этот сапог вдоль и поперек изъездил. Ведь Италия на карте имеет вид сапога. И вот я все исколесил. Я каждую деревушку помню. И одно могу сказать, что жизнь там баснословно дешева. Да чего тебе еще, если ты можешь иметь каморку с постелью за одну лиру! А ведь там палат не надо. Климат благодатный. Весь день на улице. У себя только ночуешь. Проснешься и убегаешь в кафе пить кофе... За завтраком макароны или ризотто. Цена всему два гроша... Только мясо немного дорого. Стряпают все на оливковом масле, но это так вкусно, так вкусно, потому что масло прекрасное. И на лиру в день – ты сыт. Только на лиру!

Мечтая о загранице, Пятищев почувствовал облегчение на сердце. Капитан сначала слушал молча, но потом заговорил:

– Да, но ведь и лиры эти надо откуда-нибудь достать, заработать. Сами они не упадут с неба.

Пятищев остановился перед лежащим капитаном, вскинул молодцевато голову кверху и произнес:

– Ты ведь это намекаешь на меня. Я понимаю. А знаешь ли ты, что я отлично могу там на покое зарабатывать себе хлеб насущный переводами французских романов? Французский язык я знаю хорошо. Чего ты смеешься? Ничего тут нет смешного. Там переводить, а сюда, в Россию, присылать в редакции журналов для напечатания. Ведь за это же деньги платят. Мог бы писать корреспонденции для газет.

– Поди ты! Рассуждаешь, как мальчик!

Капитан махнул рукой.

– Не маши, не маши! Нельзя на меня смотреть так безнадежно, – перебил его Пятищев. – Будет нужда – нужда и заставит калачи есть, как говорит пословица. Ведь люди же переводят, и им платят.

– Нужда! А теперь у тебя нужды нет? Отчего же ты здесь не пробовал переводами заняться?

– Здесь другое дело. Здесь у меня до сих пор угол был, кой-какой кусок хлеба и, наконец, здесь я удручен всем этим разорением, я не нахожу себе места, все меня терзает, дух неспокоен, нервы расстроены, а там – другое дело. Там я прежде всего сознал бы, что уж всему конец. Видел бы, что аминь... Ну, прощай. Пойду к себе на горькое новоселье. Запри за мной дверь на подъезде.

Капитан встал и запер за Пятищевым.

Пятищев очутился на дворе. Были бледные серо-лиловые сумерки весенней ночи. Всплывала луна. Кое-где мелькали бледные звезды. Пятищев обернулся к фасаду дома и прошептал, кивая головой:

– Прощай, старое гнездышко! Прощай, милая родина!

Приступ слез сдавил ему горло. Опять стало горько, тяжело горько. Дом был дедовский, здесь Пятищев родился, родился и жил его отец, жил его дед. Пятищеву знаком каждый угол в доме, каждая дорожка в саду. Есть много уголков, которые могут навести на радостные воспоминания, – и все это бросить, от всего этого надо уехать. Он хотел пройти в парк, но ноги тонули в нерасчищенных еще, мокрых дорожках, на которых лежал прошлогодний опавший лист. Пятищев вернулся и остановился перед окнами своего кабинета. Ему вспомнилось время его предводительства дворянством, вспомнилась его сила, вспомнился почет. Он подошел и заглянул в окно. Там было темно. Белело только светлое пятно мраморного камина. Перед этим камином он любил дремать в кресле зимой после обеда с привезенной с почты газетой в руке.

– Прощай... Прощай... – прошептали еще раз его губы.

Он отвернулся от окна, заплакал и быстро пошел к домику управляющего. Рыжий породистый сеттер выскочил из-за угла, стал прыгать и виться у его ног. Этот сеттер всегда спал в спальне Пятищева на ковре. Пятищев приласкал его и бормотал сквозь слезы:

– Забыли собачку бедную в переполохе... Совсем забыли... Бедный Аян! Бедный Аянчик! Ну, пойдем со мной ночевать на новоселье. Пойдем, милая собака.

Аян завилял пушистым хвостом и побежал впереди хозяина.

И вспомнил Пятищев, какая у него в былое время была охота, которую он унаследовал от отца, сколько было собак, сколько охотничьих лошадей, сколько егерьей. Теперь от всего этого остался один пес Аян – потомок тех псов, которые были у него, да егерь Левкей, который уж дослуживает ему простым работником, да и с ним приходится расстаться. Придется, может быть, и Аяна отдать, если он, Пятищев, уедет за границу.

«А какие пиры-то я задавал на охоте! – мелькнуло у него в голове. – Какие тузы-то съезжались! Губернатор два раза был и дивился... Повар Порфирий... расстегаи с налимьими печенками... А какой раковый суп готовил он! Пьяница, но гениальный повар был! – вспомнилось ему. – Портвейн, мой портвейн, который тогда хранился у меня еще от отца. Где теперь такой портвейн сыщешь!»

«Надо будет осмотреть завтра погреб, – сказал он себе мысленно. – Очень может быть, что там осталось несколько бутылок какого-нибудь старого вина. Капитан говорил, что есть пять-шесть бутылок, и советовал продать его. Но кто здесь оценит хорошее вино? За два гроша пришлось бы продать. Лучше самому выпить. Да... Не забыть бы осмотреть впопыхах-то. Осмотреть, взять его и выпить с капитаном. Иначе ведь Лифанову останется. А с какой стати Лифанову оставлять!»

Он вошел в кухню домика управляющего. Там встретила его Марфа, мывшая посуду после ужина при свете маленькой жестяной керосиновой лампы.

– Керосину, барин, у вас в комнате в лампе нет. С переездом-то забыли в лавочке купить. Вы возьмите потом мою лампу, когда я посуду отмою, а куда уж так как-нибудь... – сказала она. – Да уж извините, постелька-то вам не послана. Тюфяк такой большой, надо его вправить в кровать, а я одна не могу, тяжел он очень.

– Ничего-ничего. Я лягу на оттоманку, – отвечал Пятищев.

– Ладила я давеча перед ужином Левкея звать, чтобы он помог, а он пьян, напился на ваши деньги, что вы ему давеча дали, и не пошел. Лежит в сторожке и говорит: «Я, – говорит, – с завтраго у купца служу, так и нечего мне теперь для барина валандаться», – продолжала Марфа.

Пятищев вошел в свою комнату, ощупью отыскивая свой халат, туфли и подушку, два раза споткнулся о лежащие на полу книги, переоделся и лег на оттоманку, заложа руки под голову.

Аян грузно рухнулся около него на полу.

XVIII

Пятищев спал плохо на временном новоселье. Целый рой мыслей лез ему в голову, и всего больше мысль о поездке за границу не давала ему долго заснуть. Когда стало рассветать, он даже поднялся с оттоманки, открыл окно, сел около него в халате и смотрел на восходящее золотистое солнце. Он все время соображал и подсчитывал, сколько он может реализовать денег при продаже всего оставшегося у него движимого имущества. За неимением на письменном столе бумаги, подоконник был весь испещрен карандашными записями. Тут в записях фигурировала даже корова, которая была уже подарена в новое хозяйство капитана и княжны, и присчитывалась сумма, за что можно продать старый охотничий костюм, который Пятищев носит теперь дома ежедневно, и старые голенища от сапог. Сумму он старался увеличить всеми натяжками при подсчете, но она все-таки оказалась ничтожна.

Проснулся Пятищев совсем поздно, когда уже утро подходило к полудню. На дворе кричали и стучали, и вообще была суетня. Надев на себя охотничий пиджак и феску, он, не пив еще кофе, вышел на двор и направился к большому дому. Там уже разгружались приехавшие подводы Лифанова, и люди его вносили через кухню большие сундуки, ящики и корзины. Первое, что бросилось Пятищеву в глаза, – это два громадных самовара и узел с подушками. Подушек было множество. С подводами явилась и кухарка Лифанова, пожилая женщина в расписном шерстяном платке. Приехали и маляры и под руководством их хозяина Евстигнея Алексеева разводили у крыльца в ведрах с клеем мел для беления потолков. На крыше дома стучал ломом кровельщик Гурьян, выворачивая со своим подмастерьем и мальчиком проржавевшие листы железа. А внизу у угла дома стоял раздраженный капитан с оцетинившимися усами и кричал наверх:

– Мастеровые! Не смей стучать! Прочь с крыши! Здесь в доме больная!

Но с крыши – никакого ответа.

– Эй! Кому говорят? Кровельщики! Кто вам позволил? Нельзя теперь работать! – продолжал капитан. – Вообрази, какое нахальство! – обратился он к подошедшему к нему Пятищеву, поздоровавшись с ним. – Княжна всю ночь не спала, бредила, под утро только немного забылась, а кровельщики залезли, не спросив, на крышу и стучат, как в кузнице. Хозяин! Кто там хозяин? Кровельщик! Сойди сюда вниз для объяснений! – опять закричал он.

– Да... конечно, они очень уж скоро, сразу принялись за работу, – сказал Пятищев, – но княжну теперь самое лучшее перевести в тот домик. Сейчас же перевести. Там тихо, вдали от шума.

– Как перевести, если она лежит пластом! – возвысил голос капитан. – Она горит, она вся в жару. Надо смерить температуру. У ней температура ужасная. Ночью княжна выпила полграфина воды, говорила бессмысленные слова, проклинала купца. А ты перевести! Она ступить не может, на ногах не держится.

– Ну, на кровати перенесем.

– Но ведь это же убьет ее, пойми ты, убьет!

– Однако надо же это сделать. Сейчас Лифанов может приехать.

– Плевать мы хотим на твоего Лифанова! Он, мерзавец, должен иметь уважение к несчастной больной женщине, – раздражался капитан. – Ведь сам, подлец, когда-нибудь умирать будет, нужды нет, что пузо наел, как арбуз. Никуда нельзя ее сегодня отсюда переносить. Эй, кто там на крыше? Сюда! Слезай и иди сюда! – не унимался он.

Но стук на крыше усиливался. К главному крыльцу портиком подъехала подвода с мебелью, и в открытую дверь потащили какой-то шкаф. Тут же помогал и Левкей.

Капитан бросился к несущим шкаф.

– Не смей входить в комнаты! Не смей вносить вещи! – заорал он. – Кто позволил? Назад!

– Как же назад-то? – возмущались возчики. – Нам приказано... Приказано в дом поставить.

– Убью! Говори, кто приказал? Кто приказал?

– Как кто? Сам Мануил Прокофьич.

– Да я и твоего Мануила Прокофьича турну отсюда в три шеи. Понимаешь ты, в доме больная женщина лежит, княжна, умирающая старушка.

Маляр Евстигней слушал и улыбался саркастической улыбкой.

– Не слушайте, ребята, вносите! Не бойтесь, вносите, – проговорил он остановившимся было носильщикам. – Пустяки... вносите, как велел Мануил Прокофьич.

– Да как ты смеешь распорядиться и командовать! – кинулся на него капитан.

Пятищев схватил капитана за руку и произнес:

– Оставь, Иван Лукич, не горячись. Я Лифанову дал слово. Сегодня последняя отсрочка окончилась.

Испугавшийся было и попятившийся маляр опять оживился.

– Да конечно же... – продолжал он. – Уж господин Лифанов отсрочивали, отсрочивали, а вам все нейдет. Будет... довольно... Достаточно... А то сейчас приедут настоящий хозяин, и вдруг...

Шкаф стали протаскивать в двери. Он не проходил.

– Постой, я вторую половинку открою. Так не пролезет, – суетился Левкей.

– Прочь! Не смей! Холоду напустишь! – бросился и к нему капитан, сжав кулаки.

– Оставьте, ваше благородие, не троньте... Я теперь не у вас, а у купца служу, – спокойно заметил ему Левкей.

Пятищев взял под руку совсем взбешенного капитана и ввел его в комнаты.

– Уймись, Иван Лукич... Пойдем лучше к княжне. Я пришел навестить ее, – проговорил он.

Они вошли в комнату княжны. Княжна, как и вчера, лежала в постели, как и вчера, около нее был, прикурнувшись, мопс с высунутым кончиком языка изо рта. Около княжны стояла Лидия и рассматривала на свет градусник. Она только что смирала температуру тела княжны. Воздух в комнате был тяжелый: пахло камфорой, валерьяной, деревянным маслом, ромашкой. Шторы на окнах были приспущены.

– Температура не очень высока, и тридцати восьми нет, – сказала Лидия, здороваясь с отцом.

– Княжна! Ты не спишь? Ну, как твое здоровье? – участливо спросил ее Пятищев.

– Умираю, – слабо проговорила она.

– Тебе сегодня непременно надо переселиться в тот домик. Даже сейчас... Там тихо, спокойно, а здесь тебя поминутно будут тревожить. Сегодня новые жильцы въезжают, – сказал ей Пятищев, умышленно не упоминая фамилии Лифанова. – Мы тебя, княжна, осторожно перенесем на постели. Ты не бойся.

– Не могу, не могу я... Умру тогда... – чуть слышно произнесла княжна.

Капитан пожал плечами и кивнул Пятищеву на княжну.

– Как-нибудь перенесем поосторожнее, – прошептал Пятищев решительным тоном. – Это необходимо.

Он отправился выпить утренний кофе и вышел на подъезд, в который продолжали таскать вещи Лифанова. Капитан вышел за ним. Маляр Евстигней разбалтывал большой кистью разведенный в клеевой воде мел в ведре и сказал Пятищеву:

– Сегодня, ваше превосходительство, беспрерывно нужно прогрунтовать тот потолок, где старушка их сиятельство лежит, так уж вы поскорей постарайтесь освободить покойчик-то...

Пятищев промолчал. Он прислушивался. На дороге, вдали, звенели бубенчики.

– А вот, должно быть, и наши едут, господа новые хозяева... – встрепенулся маляр и прибавил: – Так уж вы, ваше превосходительство, пожалуйста, насчет комнаты-то. Зачем же ослушиваться-то, коли обещали. Нехорошо.

– Молчать, скотина! – закричал капитан.

Бубенчики слышались все явственнее и явственнее на дороге. Пятищев шел с капитаном по направлению к домику управляющего и чувствовал, что сердце его как бы замерло и упадает, перемещаясь ниже груди. Он даже побледнел.

«Все кончено... Последний момент... Сейчас приедет, воцарится и начнет хозяйничать новый хозяин, новый владелец... – пронеслось у него в голове про Лифанова. – А я? Я? Где искать пристанища? – задал он себе вопрос и тут же постарался отклонить эту мысль, произнося в уме: – Потом, потом...»

Через минуту в распахнутые ворота влетел тарантас с запряженной в него парой лошадей. В тарантасе сидел Лифанов. За тарантасом въехала шегольская коляска. В ней помещались среди узелков и баульчиков супруга Лифанова, дочь – молоденькая девушка, почти подросток, и горничная в платке, тоже молодая девушка. Экипажи подкатили к главному крыльцу. Маляр Евстигней, Левкей и все рабочие, как по команде, сняли картузы.

XIX

Лифанов вышел из тарантаса, снял картуз и перекрестился на небо.

– Слава богу, приехали в свои новые палестины, – проговорил он – Отпрягай... Да надо будет сена искать для лошадей, – обратился он к кучеру. – У крестьян поспрошай, нет ли продажного.

– У лавочника, господин хозяин, найдем. Ему же ведь и продали зимой-то, – сказал Левкей, вытаскивавший из тарантаса большой саквояж.

Из коляски стала вылезать с помощью выскочившей уже горничной супруга Лифанова Зоя Андреевна – полная, приземистая женщина с широким, румяным под глазами лицом и без бровей. Она была в черном драповом пальто и пуховой косынке на голове. Высадилась дочь Лифанова Стешенька, миловидная розовенькая девушка в шляпке с цветами и в серой кофточке со стоячим широким воротником. Жена Лифанова вылезла не сразу. Она сначала выставила из-за узла с чем-то толстую ногу в черном чулке, обутую в гляцевую резиновую калошу, и помахала ею в воздухе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.